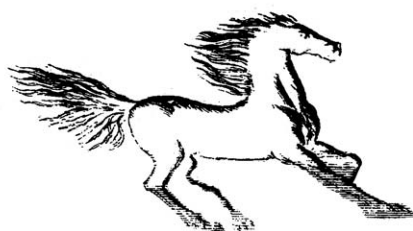

Сергей Гаврилов

СОЮЗ

(Лекция по творческой этике)

Издательство Ирины Гудым
Николаев
2007

ББК 84 (4Укр-Рос)6-4
УДК 821.161.2
Г 12

*Иллюстрации: И. Репин, Леонардо да Винчи, С. Красаускас, Жак Калло,
П. Федотов, Д. Налбандян, Г. Доре.*

С.И. Гаврилов. СОЮЗ. (Лекция по творческой этике). —
Г 12 Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2007. — 76 с., илл.
ISBN 966-8592-30-1

Вся человеческая ойкумена делится автором повести «Союз» на две большие группы людей: художников и не художников. Как происходит рождение художника и смерть ремесленника — является основной темой представленной читателю повести.

ББК 84 (4Укр-Рос)6-4
УДК 821.161.2

ISBN 966-8592-30-1

© С. Гаврилов, 2007
© Издательство Ирины Гудым, 2007

Творческий процесс — материя тонкая. Это даже не из области материи. Его природа скорее энергетического, информационного или полевого свойства. Тайна творчества сродни тайне Божьего промысла и давно стала стимулятором художественного воображения беспокойного племени, создающего предметы не первой и даже не десятой необходимости. Приложил руку и душу к этому и автор повести «Союз».

Книжкой «Союз» Сергей Гаврилов завершает трилогию — первые две назывались «Цирк» и «Турпоход» — о неприкаянных, одаренных личностях, которые в попытках творческой самореализации вступают в неразрешимые конфликты с системой ценностей, где колбаса, унитаз и квадратные метры занимают первые места. Превосходство творящего бессмертного духа над вечно голодной и медленно издыхающей плотью — это их жизненная аксиома и зачастую подсознательное кредо.

У «Союза» есть подзаголовок «Лекция по творческой этике». Это ирония автора. Хотя порой страстные, порой элегические размышления С. Гаврилова об особенностях творческих натур, о мучительных поисках истины в процессе созидания, о восторге удовлетворения результатом издалека и напоминают фрагменты лекций.

Все персонажи повести так или иначе не способны или способны перейти невидимый и подвижный рубеж — «фронтир», по метафоре автора, — за которым они остаются один на один с хаосом небытия. И перешедшим никто не может помочь в процессе превращения этого хаоса в космос бытия. Обе группы не сосуществуют, а терпят друг друга в состоянии открытой или латентной конфронтации. Но периодически обыватель стремится «построить» неорганизованных одиночек, и иногда это ему удается, но никогда не идет на пользу ни первым, ни вторым.

Любой подготовленный читатель может сказать: «Ну и что? Об этом уже столько написано». Возразить сложно. Однако при чтении всей трилогии, и особенно «Союза», возникает ощущение той

новизны, какая была недоступна ни Гофману, ни Бальзаку, ни Э. По, ни Уайльду, ни И. Шоу. Им не были ведомы творческие союзы — иезуитское порождение советской власти, — которые существуют, как это ни странно, до сих пор. Созданные по образцу партийных организаций, они выполняли не только функцию идеологических костылей для косной системы, но и бдительно отслеживали и предупреждали возможное инакомыслие в своей среде. Сегодня, обремененные корпоративным имуществом, они превратились в кооперативы, которые вынуждены решать хозяйственные свои проблемы и тяготятся этим.

Творческая личность, сама себя определившая и сама себя реализующая, не нуждается ни в каких союзах — она цельна, одинока и самодостаточна. И по тому, как общество относится к таким личностям, можно судить о здоровье общества.

Повесть «Союз» Сергея Гаврилова — диагноз, не безнадежный, но тревожный.

Книжка написана отчасти на опыте николаевских наблюдений автора, поэтому некоторые персонажи могут казаться похожими на реальных людей. Это распространенная иллюзия. Искать прототипов — дело неблагодарное и дохлое. Художники, бизнесмены, музыканты, парикмахеры — обычные люди. Они любят и ненавидят, грешат и каются, страдают и радуются. В Николаеве или Харькове, в Валенсии или Плимуте, в Хобарте или Вальпараисо — все едино. Однако у творческих натур этот опыт зудит и норовит выплеснуться в бесконечный процесс познания бытия. Так создается культура.

Сергей Галушкин.

*Александру Федину —
«тихому» гражданину
Прибалтики, космополиту
и патриоту, автор шлёт
корпоративный привет.*

Заседание

Они опять все собрались. За лето соскучились друг по другу. Оглядываются по сторонам и совсем не слушают докладчика. Напрасно он стучит авторучкой по кафедре. Они соскучились, и им наплевать на то, что происходит в зале. Они довольны и свободны. Сидят, радостно перебрасываются словами. Со стороны посмотреть — съезд республиканской партии в какой-нибудь Оклахоме. Все атрибуты налицо, не хватает казенных пива и гамбургеров.

Удар.

— Хорош трындеть! — Докладчик сломал свой «паркер» и заставил всех обернуться на трибуну. Прокашлялся, расстегнул воротничок тесной рубашки. — Иначе мы никогда не разойдемся.

— Кузьмич, дай пообщаться, — подает голос молодой парень из зала в дорогом летнем пиджаке, — не виделись кучу времени ...

— Хорош, я сказал, трындеть, — докладчик еще больше расслабил галстук, — общаться будете по кабинетам. Я не собираюсь здесь с вами ночевать...

— А что, есть другие планы на ночь? — парень первым поперхнулся от своего глумливого вопроса. Все сразу замолчали.

Докладчик мстительно обвел зал глазами.

— Хотите брежневского доклада на шесть часов? Хотите?

Молчание.

— Еще один звук, и я это сделаю. Уяснили? — Он метко забросил в урну сломанный «паркер». — Выключили мобильники и смотрим мне в рот!

В зале присутствуют человек шестьдесят. Разновозрастные мужчины и четыре барышни непонятных лет.

Зюч, сосед слева, ехидно — по Ильфу и Петрову — комментирует мне на ухо собрание Николаевской областной организации Союза художников: *«...все известные дети лейтенанта Шмидта собрались в московском трактире, у Сухаревой башни. Сыновья от восемнадцати до пятидесяти двух лет и четыре дочки, глупые, немолодые и некрасивые...»*.

Зюч лукавит. «Дочки» немолодые, но и не некрасивые. Ухоженные женщины с опытом в глазах. На лбу у всех, как на камне, — «стерва».

Остальные, вроде, нормальны. Вальяжны, загорелы, со скукой на лице.

Сидят, смирились, приготовились слушать.

— Продолжаем наши упражнения, друзья. — Докладчик еще раз окидывает зал. — Вопрос традиционный: бюджет организации на следующий год и выполнение его в году нынешнем.

Скрип стульев, все обреченно устраиваются поудобней.

— Как говорят в Верховной Раде, нам нужно хором принять бюджетную резолюцию и одобрить бюджетную инсталляцию...

— Как это? — скрипит голосом старик в инвалидной коляске из первого ряда.

— Что как? — раздраженно поднимает глаза докладчик.

— Ну, это... последнее слово...

— Какое?

— Ин... инц... ингаляция...

— Инсталляция, — вздыхает докладчик, — это про то, как мы расходовали наши бабки в этом году...

— Кузьмич, — блеет старик, — ты не с клиентом базаришь, не надо понтов, все свои...

Между ними завязывается ленивая перепалка. Зюч оборачивается ко мне и продолжает цитировать «Золотого теленка». Он его помнит наизусть, поэтому перебивать не хочется...

«...в краткой вступительной речи Балаганов выразил надежду, что братья найдут общий язык и выработают, наконец, конвенцию, необходимость которой диктует сама жизнь...».

Перепалка закончилась. В руках у докладчика опять, как по волшебству, «паркер», совершенно целый, и он вновь стучит им по кафедре, призывая к вниманию.

«... весь Союз Республик следовало разбить на тридцать четыре эксплуатационных участка. Каждый участок передается в пользование одного дитяти. Никто из членов корпорации не имеет права переходить границы и вторгаться на чужую территорию с целью заработка...».

Пауза.

Зюч отодвигается от меня и делает внимательное лицо. Докладчик замолчал и пялится глазами прямо на нас. Пауза затягивается.

— Все, Кузьмич, больше не будем, — Пашка прижимает руки к груди, — ей-богу, не будем.

Он приехал в Николаев с Южного Урала, и в советском паспорте у него было две страницы: одна на русском, другая на удмуртском языке. В графе «национальность» написано по-удмуртски — «зюч», что значит — русский. Зючем прижился, Зючем, наверное, и умрет.

Докладчик нудно бубнит. Все обреченно молчат. Ждут.

За окном знойный сентябрьский полдень. В выставочном зале, где проходит заседание Союза, душно. Кондиционеров нет, светлые шторы не спасают от надвигающейся жары. Словесный поток с трибуны навевает дремоту.

— ... задолженность по аренде производственных помещений и мастерских составила в этом году 3057 гривен, список злостных неплательщиков будет вывешен завтра на доске объявлений...

Сосед справа — Жора Гребенюк, авангардист и вечный бабник, откровенно заснул. Темные очки сползли на нос, в углу рта показалась первая детская слюна, сейчас он начнет сопеть. Позади нас расположились барышни: Наталья и Лизавета. Шелестят конфетными обертками, полупшепотом болтают между собой: *«...не могу поймать его на горячем, но пахнет от него все время чужой бабой. — Духами, что ли? — Нет, бабой пахнет, шлюхой...»*

Прямо впереди нас Викуля. Большая печаль после лета. Несостоявшийся роман. Сбежала от меня из Алупки. Ничего особенного. Просто застала на горячем. Застала с другой барышней и сбежала. Викуля — путеводная звезда. Бескорытна и трудолюбива, независима и

талантлива. Сейчас смотрит сквозь меня и не здоровается. Печаль, не знаю, как выбраться из ситуации.

Сзади продолжают шуршать конфетами:

— ... *приходит трезвый, но счастливый, и лицо деловое. Может, действительно работает, а ты мозгами поехала...*

— *Нет, от него бабой пахнет...*

На лице у Зюча тоска. Большая вселенская тоска. Смотреть на него не хочется. Опять про баб, опять про больное. Хочу от него отвернуться — не получается.

Зюч не может жить с одной барышней. Не может даже под угрозой расстрела на заднем дворе. Ему нужны непременно две. Он, как страус, размножается только с двумя одновременно.

Зюч печален. Не знаю, как ему помочь.

— ...Гребенюк, ответьте собранию, когда вы вернетесь в эту жизнь? — отвлекает от тяжелых мыслей выступающий. — Уже два года бухгалтерия занимается вашими алиментами...

Докладчик сквозь очки пристально оглядывает наши ряды.

Жора спит. Тупо спит. Содержательная ночь убила инстинкт самосохранения. Пихаю его локтем. Реакции нет. Пихаю больно. Жора ментально вклинивается в действительность. Встает, разводит руками и роняет очки на пол. Викуля впереди смеется.

— Люди такие разные, и все стремятся реализовать себя в жизни по-разному. Поэтому не стоит удивляться конфликтным ситуациям... ничего не происходит в этом мире случайно. Порой совсем обыденная ситуация мотивирует нас на необдуманные поступки...

Пашка протягивает мне банку пива. Качаю головой, отказываюсь. (*«Не с-сы, он надолго завелся...»*).

Можно оглядеться по сторонам и оглядеть народ. Жора — профи. Преподаватель философии в университете культуры. Болтать может до бесконечности. Болтать умно ни о чем — большое искусство, достигается через безумное количество похмельных горловых пар.

Зюч расслабился. Оборачивается к теткам назад.

— Шлюхи не пахнут. Это озон без запаха. Любая шлюха — стерильна, от нее может нести только выстиранным бельем...

— Кобель африканский, — Лизавета дает Зючу громкий подзатыльник.

Председатель опять стучит по кафедре «паркером». Жору несет в даль необъятную.

— ... управлять конфликтной ситуацией в коллективе необходимо проверенными инструментами...

Николаевская организация художников — разнополюсная система. Есть семейные династии, но нет семейного корпората. Природа на детях не отдыхает, она на них работает. Дети обгоняют своих родителей, но обгоняют как-то тактично, без финишного спурта. Тургеневский конфликт здесь не в моде. Детки устало хлопают в ладоши на вернисажах родителей и отрицают их жизнь в своих картинках. Нет семейной клановости и родовых устремлений, зато сильны индивидуализм и ревность к чужому успеху...

— ... никто не хотел брать университетских центров, — прерывает в ухо мои размышления Зюч. Он опять на волне «Золотого тельца». — Никому не нужны были выдавшие виды Москва, Ленинград и Харьков. Очень плохой репутацией пользовались также далекие, погруженные в пески восточные области...

— Тихо, — Лизавета опять толкает Пашку в затылок.

В зале театр. Жору несет в полный рост. Председатель его не прерывает. Все как всегда. Я пропустил начало и теперь пытаюсь восполнить упущенное.

— ... коммуникативное пространство в коллективе может формироваться в разных координатных системах. Управлять этим процессом чрезвычайно трудно...

— О чем это он? — поднимает брови Зюч.

— О своих алиментах, — Лизавета поправляет прическу, — сложный процесс, понимаешь...

Викуля опять оборачивается ко мне.

— Что, дружок, пора задуматься...

Опять пиво в горле, опять я не знаю, что ответить.

— О чем думать, золотце?..

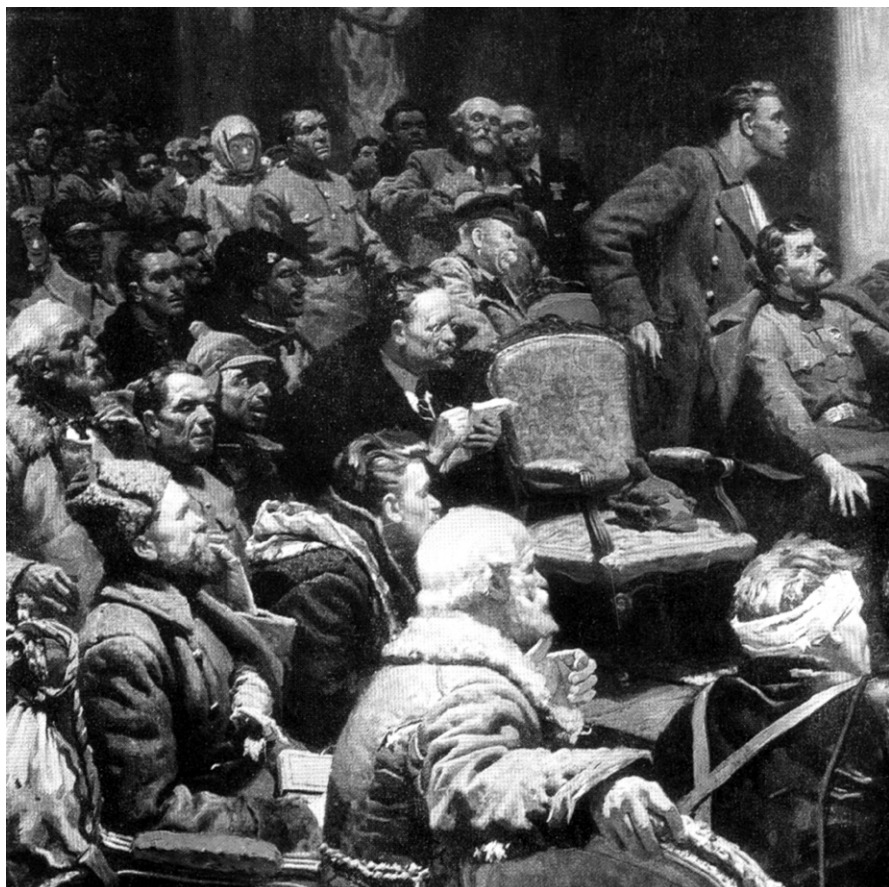
— О себе любимом.

Снова ее затылок и роскошные волосы.

А в зале все по полной программе. На арене Жора. Уникум. Софист. Продавщицы его любят за бескорыстное вранье. Неограниченный кредит в баре. Глубокое образование, начитан до одури. Но сейчас театр. Театр одного актера.

— ... возникновение миражных отношений — первый признак эрозии этической среды. С этим можно жить, но трудно смириться.

В фундаментальной науке это называется деформацией...

— Так, это все хорошо, — трясет головой очнувшийся председатель, — давайте вернемся к нашему вопросу...

— А что? — пожимает плечами Жора. — Бабки за июль заплатил, за ремонт крыши тоже...

— При чем тут крыша? Вы разберитесь со своими семейными отношениями...

— Какие отношения? — разводит руками. — Все устаканено давным-давно, все счастливы...

— Все, кроме бухгалтера. Она занята только вашими алиментами...

— Дак что, мне и бухгалтера осчастливить?

— Да уж осчастливь...

— Я столько не выпью...

Смех. Аплодисменты. Бухгалтера никто не любит.

Опять ленивая перебранка, опять на ухо Зюч с Ильфом и Петровым: *«...плодородный Курск и сомнительный Херсон, малоразработанный Минусинск и почти безнадежный Ашхабад, Киев, Петрозаводск и Чита — все республики, все области лежали в чьей-то заячьей шапке с наушниками и ждали своих хозяев... Злая звезда Паниковского оказала влияние на исход дела. Ему досталось Поволжье...»*

Я не выдерживаю.

— Слушай, отец родной, ты завидуешь этому парню?

— Какому?

— Балаганову?

Лизавета сзади шепчет на ухо: *«Он завидует всем, у кого стоит»*.

Лизавета — классная тетка, флористка. Ей почти семьдесят, но она насквозь наша. Я ее люблю.

— Перестаньте Елизавета Николаевна, — нервничает Пашка, — при чем здесь «стоит-не стоит». Мы совсем о другом говорим...

— Ага, о бюджете беседуете... — Лизавета обиженно поджимает губы и смотрит на сцену.

Викуля опять оборачивается.

— Поподробней о «стоит-не стоит» расскажите. — Смотрит серьезно на сцену, будто это ее действительно волнует.

Я не успеваю проглотить слюну, Лизавета вклинивается.

— Все просто, Виктория, когда не стоит — это любовь без корысти, а когда наоборот — это корысть без любви...

— Замолчи, старая дура, — не выдерживаю я, — ты все на свете позабыла и теперь вводишь неопытных девушек в заблуждение...

— Нет, парень, это ты все забыл и много себе позволяешь, — Лизавета оборачивается к трибуне. Там, кажется, началось...

На сцене опасная ситуация. Жора ссорится с Кузьмичём. Дело принимает скандальный оборот, доходит почти до драки. До конкретного рукоприкладства. Тупик.

Причем, все понимают, что тупик. У Жоры — харизма в тридцать сантиметров, у Кузьмича — примерно такая же. Все заслуженные и все с медалями. Тяжелый армреслинг. Совсем тяжелый. Надо как-то расходиться. Зной набирает силу. Сентябрь в Николаеве — еще тот месяц, жарче, чем летом.

Джюльетта (5-й номер бюстгальтера) — хороший дизайнер, поднимает своего мужа, здоровяка-баталиста Колю, на разбор полетов. Коля, под сочувственную тишину, выпроваживает под руки «харизматиков» из зала.

Все как всегда. Заседание переносится на следующий вторник. Прощай, тусовка. Бюджет будет принят в декабре. Все расходятся. Викуля на меня не смотрит.

Маркетинг

Раньше у них было все в порядке. Обеспеченный отряд советской интеллигенции. 250 рэ зарплата, гарантированная мастерская, заказы к праздникам на портреты вождей от горкома партии, халтуры по колхозам.

Мне говорили, что всей братве выдавали бесплатные кисточки и краски, как в сиротском приюте. Я, конечно, не верю в это, но ветераны подтверждают, что народ был счастлив.

Бесплатные краски, гарантированные заказы, предсказуемый завтрашний день. М-да, хорошее прошлое, совсем хорошее.

Теперь все не так. Теперь капитализм, который никто не любит. Рынок все расставил по своим местам. Сейчас они настоящие свободные художники, за которыми любопытно понаблюдать.

Николаев избалован талантами. Маленький город не может выдержать в своих границах столько гениев. За чашкой водки они всех убеждают: «Городу надо расширяться».

Пашку сократили в институте культуры, где он три года учил сельский народ рисунку, композиции и еще чему-то. Неплохо, кстати, учил. Я как-то раз забрел к нему на пару и поприсутствовал. Сухомлинский, конечно, отдыхает: «Ну, что это такое?» — обращается он к студенту, который заканчивает работу. На подиуме сидит синяя от холода худая натурщица, двадцать человек в аудитории пытаются перенести ее на холст. Переносят, кто во что горазд. Бедный парень пошел по стопам Модильяни, и натура у него далека от реальности.

— *Вы, дружище, в армии, — устало хлопает его по плечу Зюч, — Вас послали за капустой, а Вы принесли буряк. Вы не выполнили приказ, товарищи остались голодными. Вас надо расстрелять по законам военного времени...*

Вот такая передовая педагогика. Молодец. Хорошо учил. Студенты Пашку любили, однако это не спасло. Приехал Поплавский, и его уволили, да и не только его. «Поющий ректор» изгнал из Николаевского филиала всех неостепененных, незаслуженных, без мохнатой лапы, без взяток — в общем, весь нормальный и квалифицированный народ. Изгнал и нарушил устоявшийся рыночный баланс. Беспризорных талантов в городе стало еще больше, и наблюдать за ними стало интересней.

Захожу к Зючу в мастерскую. Принес ему таблетки и малиновое варенье. Он болеет. Горло обмотано каким-то вымазанным в краске шарфом. Здравоемся. Пашка кашляет и жестом показывает на кресло.

— Заходил этот мудака, — вытирает нос, — Трабдыкало.

— Портрет хочет?

— Ага, патрет, — сморкается в платок. — Женский.

— Жены?

— Черт его знает. Вот, — протягивает мне цветную фотографию какой-то незнакомой барышни в белой шляпке. — Ты знаешь его жену?

Еще бы! Кто не знает Марину Трабдыкало, тот не мужчина. Викуля мне до сих пор простить не может.

— Это не она...

— А кто?

— Не она.

— ..?

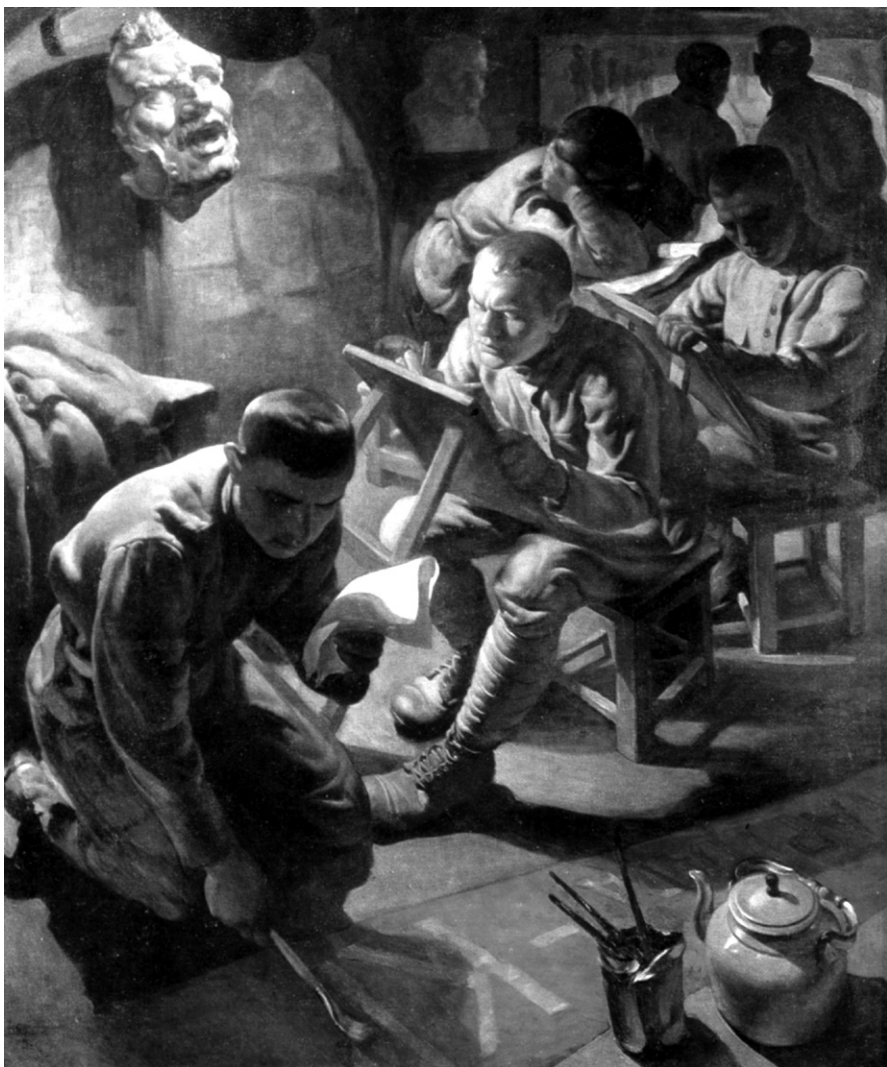
Костя Трабдыкало — зубная боль для всего цеха. То ли грек, то ли еврей. Впрочем, для народа это не важно. Он наднационален. Будь он даже бушменом, его бы все равно не любили. Костя — парень николаевский, и этим все сказано.

Биография — краткий курс. Вырос в Ялтах. Воспитывался у какого-то цыганского барона. Пацаном фарцевал тряпками, толкал одноклассникам травку, потом внезапно соскочил и подался в комсомол. Быстренько дорос до второго секретаря райкома и... в смутное время выплыл управляющим Николаевского филиала «Южэкономбанка». В общем, скукотища. Ничего удивительного. Сейчас он местечковый олигарх. Надувает щеки, мелькает с какими-то благотворительными акциями по областному телевидению, наверное, хочет податься в политику. Все это неинтересно и к делу не относится. Любопытно другое: вот уже две недели Костя шатается по мастерским и заказывает у народа портрет своей любовницы. Мотивирует деньгами, уговаривает, угрожает, ссылается на старую дружбу.

Вломится в мастерскую, ткнет в лицо фотографией и назовет приличную для портрета цену, затем приходит в назначенный срок за заказом и... не берет его — «не нравится». Четыре человека уже попали «под каток» капризного олигарха, потеряли кучу времени и сейчас тихо матерятся.

Зючу известна ситуация. Отрицательная аура слухов, связанная с покупателями, имеет электромагнитную природу и распространяется

по цеху мгновенно. Пашка на мели, ему нужно что-то продать, но он не хочет наступать на общие грабли.

Художнику трудно найти своего покупателя. Галерейный бизнес — сложная штука, маркетинг еще тот. В иерархии жизненных потребностей человека картина занимает почетное 29-е место, но это место может запросто превратиться в 129-е или 2029-е — все зависит

от какой-то суммы обстоятельств, которая превращает гражданскую сделку купли-продажи в случайность. Эта самая случайность никогда не перерастет в необходимость, если художник не будет психологом. Ему, как саперу, запрещено ошибаться. Одного взгляда на клиента должно быть достаточно, чтобы понять, кто, зачем пришел и что ему втюхивать: реализм или авангард.

У психологов с маркетингом получается, у остальных — не очень.

Случай с местным олигархом — из ряда выходящий. Накрасить портрет с фотографии — задача примитивная даже для студента, с одной стороны, с другой — сложная, так как необходимо определить эмоциональное ожидание заказчика. Это под силу человеку с тонко организованной психикой, способному настроиться на эстетическую волну клиента.

Константин Трабдыкало «кинул» очень опытных хлопцев, которые «сидели на портрете» много лет и были хорошими психологами.

Мне понятно Пашкино состояние. Советы советовать бесполезно, можно только сопереживать.

— И сколько он тебе положил за хлопоты?

— Трешку. — Зюч подошел к окну и отодвинул штору. Осенние сумерки лениво вползали в мастерскую. — Сунул аванс и ушел.

— Как ушел? А размеры, сроки, пожелания...

— 60 на 40, 7 дней, а пожелания... — пожал плечами, — чтоб пат-рет гарнесеньким получился.

Пашка уселся на табурет и принялся разминать сигарету, затем стал вертеть зажигалкой.

— Откажись, не связывайся с дерьмом...

— Поздно, — прошептал он и лезвием мастехина прищипил фотографию к столу. — Я уже штуку баксов потратил. Поздно...

Включаю настольную лампу, со стола на меня смотрит совсем молоденькая девица. Полуопущенные ресницы, призывный взгляд, недалекое кокетство. Ничего особенного, кукла Барби со Слободки. Фотография постановочная, поворот головы в полупрофиль, жалкая попытка воспроизвести таинственность образа.

Таинственность, таинственность... Высший пилотаж портретиста, самое глубокое переживание у зрителя. На холсте таинственность —

это недостижимость, то, что побуждает к неожиданным поступкам. Наигранная таинственность приводит к обратному результату, она сообщает образу кичевую пошлость и энергетику неискренности.

— Ты можешь узнать что-нибудь про нее? — прикуривает Пашка.

— В смысле?

— Кто такая, что из себя представляет, мне надо с ней встретиться.

— ..?

— Твоя ж Самохина у него в офисе работает.

Действительно, в офисе у Трабдыкало работает уже два года моя одноклассница Женька Самохина — юрист и мамаша двоих детей. На работу к олигарху попала, как все, через койку. За свою работу держится и на больничный не ходит.

— Я попробую, но вряд ли она будет со мной говорить на эту тему. Они там у него все запуганные.

Утром мы созвонились и в обед встретились на Московской в кафешке. Женька — усталая и захлопотанная барышня. Вдова, с двумя сыновьями и старой матерью на руках. Выглядит ухоженно и занято, все время поглядывает на часы.

— Конечно, знаю, — возвращает мне фотографию и пристально смотрит, — только познакомить я вас не смогу.

— Боишься?

— Нет, не боюсь. — Она подняла брови. — А ты что, местный ящик не смотришь?

— Смотрю... редко.

— Она погибла два дня назад.

— ..?

— Выбросилась с балкона своей квартиры. Седьмой этаж, завтра похороны.

— Выбросилась или выбросили?

— Трудно сказать, но дело в производстве, — она закурила сигарету и вновь посмотрела на часы.

— Торопишься?

— Уже опоздала, — тушит сигарету и допивает кофе, — Амелина Жанна, пресс-секретарь Трабдыкало, 23 года, работает в офисе четыре месяца, его новая любовница, не замужем. Все. Остальное ты знаешь. Мне пора. Созвонимся.

Рассматриваю фотографию покойной. Новая информация изменила зрительное восприятие образа. Слободское кокетство превратилось в трагическую обреченность, а сексуальная призывность во взгляде перетекла в понимающую пронзительность. Портрет обогатился опытом и стал тяжелым. Чтобы объяснить этот эффект, Оскару Уайльду потребовалось поставить все с ног на голову: Дориан Грей у него стареет на полотне, оставаясь в реальной жизни молодым, а цельность художественного образа достигается через гибель модели и уничтожение портрета. Гармония торжествует в смерти...

Мобильник. Простуженный голос Зюча.

— Ну что?

— Твоя задача облегчилась, она умерла...

— Как умерла?

— Два дня назад выпала из окна, завтра похороны. Можешь навестить модель, если тебе это поможет...

— Время есть?

— Есть.

— Зайди ко мне, расскажешь подробнее.

Отключился.

До Инженерной всего два квартала. Можно пройти пешком по Шевченко и зайти к приятелю в городское УВД, попытаться узнать об этом подробнее.

Задача у Пашки сложная: он никогда не знал свою модель в разнообразных проявлениях — значит, обязательно проколется с типичностью позы, не угадает цвета и попадет пальцем в небо. Олигарху в предыдущих портретах, скорее всего, не понравилась цветовая растяжка, которая сопровождает эмоциональное восприятие и сочетается с чувственным опытом зрителя. Значит, Зюч обязательно сделает не то и влетит на штуку баксов.

С этими невеселыми мыслями поднимаюсь к Юрчику.

Это бывший мой студент, сейчас целый майор, начальник информационного центра городского УВД. Поздоровался, наморщил лоб и ничего не сказал определенного.

— Есть подозрение на суицид, хотя ранее жертва таких попыток не предпринимала. С балкона выпрыгнула в 14.20, «скорая» подъехала через пять минут. Она была уже мертва. — Юрчик прикуривает сигарету. — Отрабатываются, конечно, все версии, тем более — банкир премию назначил по результатам расследования.

— В смысле?

— Он не верит в самоубийство. Говорит, что все было хорошо. Они собирались пожениться. Невеста недавно стала королевой красоты на областном конкурсе, получила кучу рекламных предложений и через две недели собралась с женихом поехать куда-то в Европу.

— Подожди, подожди, он, вроде, при живой жене...

— Да не живет он с ней, уже полгода готовится к разводу, распикивает имущество по всем родственникам. Хочет выйти из брака малой кровью. Так что у нее есть мотивация к тому, чтобы устранить конкуртку.

Юрчик прощается со мной за руку, извиняется и уходит.

Пашка сидит в кресле у себя в мастерской, читает «Золотого теленка». Он всегда хватается Ильфа и Петрова, когда находится в подвешенном состоянии и ему тоскливо.

— Привет, — поворачивается в кресле, — я с ним пять минут назад говорил...

— С кем?

— С Трабдыкало. — Улыбнулся и закрыл книгу. — Пригласил на похороны модели.

— Зачем тебе мертвая модель?

— Живой-то все равно нет...

— Слушай, — внезапно осеняет меня, — а ты не задумывался, почему он отказался от четырех портретов, когда модель была жива, а к тебе пришел только тогда, когда барышня переселилась в холодильник на Киевскую?

— Нет, да и какая разница? — Зюч плотнее затянул шарф. — Наверное, хочет картинку в спальне повесить, для ностальгической эрекции.

Пашка замолчал и стал барабанить пальцами по закрытой книге, затем обернулся.

— А какая версия у ментов по поводу смерти?

— Менты склоняются к суициду. Не хотят возиться. А вот у нашего олигарха другая версия. Он считает, что девочке помогли упасть, и даже премиальные назначил операм, чтобы отработали предумышленное убийство...

— Стоп, стоп, — вмешивается Зюч, — мне сказал, что Жанночка сама шагнула с балкона. Якобы не смогла пережить стрессовое состояние после конкурса. Попросил приехать на похороны и убедиться... м-м... как это он сказал... — Пашка хмурит лоб. — Ага, вот: «...чтобы убедиться, что красота ее победила смерть».

— Романтик.

— М-да, высокий штиль.

— Я б не советовал смотреть на покойника. Тебе ведь заказали не натюрморт. Деформируешь образ, зацikliшься на неправильной картинке...

— Дружище, я давно утратил юношескую рефлексию, в наших летах принято работать на контрастах. Плевать мне на покойников.

Создание художественного образа через контрастность — большое искушение и подвластно не каждой особи. Контраст требует парадоксального мышления, которое характерно для математиков и философов. Тепло и холод, свет и тень, плоскость и объем — это крайние категории, участвующие в создании образных контрастных систем. Художник вынужден балансировать на тончайшей проволоке, чтобы не впасть в свою заявленную крайность. Здесь не существует полутонов, поэтому контрастный образ запоминается и редко девальвируется. Он вечен. К нему ничего нельзя добавить и отнять. Он совершенен в своей законченности. Сложная операция, напоминает попытку грубым рубилом создать тончайшее ювелирное украшение.

Пашка хочет взяться за неподъемную «врубелевскую» задачу — создать законченную форму, используя только контрастные, противоположные элементы.

В его варианте это будет портрет молодой девушки, которую он увидит только мертвой. Живая часть системы будет для него представлена в фотографии и ассоциативно в тех образах, что он почерпнет

из рассказов друзей, родственников и знакомых покойной. Жестокий кроссворд.

Здесь, наверное, нужна конструктивная идея и четкое оформление замысла портретного образа...

— Кстати, — Зюч потягивается в кресле и прерывает мои изыскательские упражнения, — натюрморт с покойником — это свежая мысль. Пойдешь со мной на похороны?

— Нет. В моей жизни достаточно покойников.

Через три дня он мне позвонил.

— Привет.

— Привет. Как дела?

— Я все сделал. Не хочешь посмотреть шедевр?

— Хочу.

— Добре, клиент будет у меня в полтретьего, а ты приезжай часикам к двум .

Зюч гениально решил поставленную задачу. Неразрывная связь добра и зла достигается на портрете простой суммой двух решений. На картине покойная Жанна Амелина сидит, подогнув ноги, на берегу полноводной реки в позе васнецовской Аленушки. Распущенные волосы и белое, как погребальный саван, платье придают всей композиции напряженную обреченность. Теплые цвета первого плана и холод дальней перспективы не оставляют никаких иллюзий на будущее девушки. В самом холодном углу картины — размытое, почти без линии, изображение Трабдыкало. Он почти реалистичен и похож на папу Иннокентия с портрета Веласкеса. В таких же кроваво-красных одеждах и внутренней жестокостью на лице. Добро и зло на картине объединились через простую арифметику. Это уже не портрет, это обвинение.

Пластическое воплощение идеи божественной предопределенности человеческого существования композиционно вылилось в цельность сюжета...

— Ну как? — отвлекает меня Пашка и уверенно потирает руки.

— Ты выступаешь как прокурор. Он не возьмет ее...

— Возьмет. Давай поспорим. Возьмет как миленький...

Стук в дверь. Входит управляющий «Южэкономбанка» Константин Трабдыкало и оглядывает картинки, развешанные по стенам. Здоровается с нами за руку.

— Ну, показывай, где?

Выхожу в коридор перекурить и начинаю нервничать больше, чем Зюч.

— Вот и все, — появляется минут через десять в дверях и трясет зелеными бумажками, — беги за пивом.

— Расскажи.

— Да нечего рассказывать. Все очень примитивно. Он ничего не понял. — Пашка прикуривает сигарету. — Для него эта картинка выглядит как погребальное изображение на обелиске: вот его утраченная любовь, а вот он сам рядом и мечтает воссоединиться с ней в лучшем мире, плюс навороченный викторианский багет...

— Ничего не понимаю, ведь ты его сделал чудовищем...

— Иди за пивом, у тебя кожа тонкая.

Через три месяца в криминальных новостях мы услышали, что менты из горотдела честно отработали премию Трабдыкало. Они нашли убийцу Жанны Амелиной, затем вышли на заказчика. Им оказался сам банкир, который пытался повесить это убийство на свою жену. Бракоразводный процесс и последующий раздел имущества отчуждал у него половину акций банка. С их потерей он автоматически лишался своей должности. Возможность избежать такого исхода совпала с побудительными обстоятельствами, чем олигарх и воспользовался. У ментов и прокуратуры все-про-все заняло три месяца.

Пашке понадобилась неделя, чтобы составить обвинительное заключение и предъявить его преступнику, однако последний не сумел его прочесть.

Иллюстратор

Он пожилой, консервативный человек. Ему немного за семьдесят, но держится хорошо: слюна изо рта не течет и при ходьбе ногами не шаркает. В общем, живчик такой, без маразма.

Всю жизнь красил свои картинки, выставлялся, продавал, участвовал во всяких биеннале, был нормальным живописцем и не лез ни в какие эксперименты. Был, по словам коллег из цеха, «добротным» художником. Это для посторонних. Для своих же быть добротным — вовсе не значит быть художником.

Тот, кто себя не ищет, кто застыл на месте и не экспериментирует с собой любимым, рискует быстро переселиться в ремесленники.

Зовут Владимир Андреевич. Это, опять же, для посторонних. Для своих — просто Вован Андреевич.

Картинки его охотно раскупают известные музеи, существует даже очередь из иностранной клиентуры. Под занавес жизни оброс всякими званиями («заслуженный-перезаслуженный»), однако на лаврах не поживает. Тихо себе работает и за помощью ни к кому не лезет. Лояльный кредитор. Может одолжить денег и год не вспоминать. Воевал, но о войне говорить не любит.

Вован Андреевич — стабильный человек. Хочется сказать «нудный», но нет, скорее, предсказуемый какой-то, без авантюрной жилки. Картинки у него тоже предсказуемые. Как застыл на них сорок лет назад, так до сих пор и красит.

Молодняк из цеха с завистью наблюдает за его конвейером. Мастерская пустая, все уходит с колес («пипл хавают»). Вован хитро улыбается в усы, когда бродит по какой-нибудь авангардной выставке и... продолжает выдавать на-гора комфортный реализм.

— Он скоро фотографом станет. — Пашка достает из кармана платок, протирает солнечные очки. — Совсем плохой стал, до кальки докатился...

Мы сидим в кафешке на Плехановской и пьем пиво. Пьем пиво на деньги, которые стрельнули у Вована. Пришли к нему в мастерскую, поболтали, как положено, «о вечном, высоком, нетленном», посмотрели свежие картинки, забрали деньги и ушли. Теперь вот сидим, умничаем по поводу реализма.

— ... это ж можно со скуки сдохнуть, — ставит пустую бутылку на стол, — всю жизнь просидеть на ксероксе. Денег ему, что ли, не хватает...

— Академизм — это не ксерокс. Это созидательный консерватизм...

— Какой, к черту, созидательный консерватизм! — горячится Пашка. — Консерватизм не бывает созидательным. Ты сам подумай: кон-сер-ва-ти-зм, — указательный палец вверх, — он не может созидать, он консервирует все, что должно давным-давно истлеть. Подожди, я сейчас. — Поднимается и уходит заказать еще пива.

Действительно, вся Европа помешана на авангарде. Эстеты платят бешеные деньги за набор разноцветных пятен на стене. Критики поправляют пенсне и авторитетно озвучивают скрытый бред какого-нибудь молодого конъюнктурщика. Придумывают содержание, концепцию, ищут аналогию дилетантскому маразму. Весь искусствоведческий анализ, в конечном итоге, сводится к трактовке символов и связей между ними.

Вован — почти «передвижник», и со своим академизмом должен давно протянуть ноги на этом рынке. Однако он востребован и счастлив. Может утереть нос любому пацану, который без академической закладки лезет покорять мир.

Этот парадокс, наверное, можно объяснить усталостью Старого Света от виртуальной реальности. Компьютерная графика с ее безжизненным пространством, примитивная перспектива наскального рисунка, и если сюда добавить тот кроссворд, который должен разгадать зритель, чтобы оформить для себя художественный замысел автора, то сразу понимаешь, почему ленивый бюргер втихаря покупает у Вована картинки.

— ...зачем париться, ожидая портрет, когда можно взять камеру и смотреть на себя реального сколько хочешь, — отвлекает меня Пашка, — губы нарисовал один раз и показывай внукам свой фэйс...

Мне с ним скучно. Я хочу уйти, но не могу. Он разошелся и не дает вставить слово, чтоб попрощаться.

Искать намеренно свой уникальный путь в творчестве — банальная самоцель. Надувание щек. Тот, кто этим занимается, всегда будет у разбитого корыта. Нельзя найти верность, любовь и честность — ими надо обладать изначально. Эти три компонента лежат в основе искрен-

ности, сопереживания, без которых немислим труд художника. И какая разница, как ты выплескиваешь это на холст: через абстракцию или через реализм?

Вован Андреевич — цельная натура. Он пребывает в этом состоянии много лет, и, похоже, ему комфортно. Существует ложное представление о том, что художник перестает творить тогда, когда утрачивает способность внутренне раздваиваться, чтобы плыть на эстетической волне своего замысла или замысла клиента. Глубинные горизонты творческого сознания, как тектонические плиты, дрейфуют в горячем океане времени. Выбраться на спасительный берег невозможно. Зато возможно оставить свою бренную, похотливую натуру в этом конъюнктурном бульоне и вырваться на простор вечности, в мир красоты, правды и добра...

— ...у него все в лоб, — прерывает Пашка. Он вернулся с пивом и не может успокоиться по поводу реализма. — Как научили коммунисты, что в творчестве нужна идея, так она и присутствует в каждой картинке...

— У тебя тоже идея присутствует, — мне совсем скучно с ним. Надо подняться и уйти.

— Я не об этом, — громко ставит пиво на стол, — у него все лобовое... — Глоток из бутылки. — Любовь, ненависть, добро, несправедливость, чтоб пиплу комфортно было. Он не заставляет народ трудиться...

— Правильно, народ трудится с твоими дебильными кроссвордами, а у Вована все отдыхают, надо же людям где-то отдохнуть. — Пора уходить. Он сегодня совсем несносный. Поднимаюсь, хочу попрощаться.

— Нет, ты послушай, — схватил за руку и удерживает, — у него театральные страсти. Все наигранно, нет ничего настоящего и объяснять ничего не нужно...

Продвинутые философы считают, что художник творит только тогда, когда его дух пребывает вдали от плоти. Плоть приземляет воображение и не дает божественной фантазии воспарить к вечным ценностям. Тяжелый груз бытовухи и мирских проблем тянет на дно, в мир скучных добродетелей и пустоты. Пустота страшна. Она требует постоянного наполнения. Это зона смертельного риска. Когда душа ис-

пытывает пустоту — она переживает скуку, отсутствие божественного содержания. Этот вакуум заполняется похотью и злыми страстями. Скудная добродетель — дьявольское изобретение, которое приводит к еще большей скуке и к смерти художника. Заполнять скуку через похоть — опускаться в мир мрака и злой воли...

— ...не бывает абсолютного горя и абсолютного счастья, — продолжает удерживать Пашка, — если это присутствует в картине, то это что угодно, только не искусство. Это социальный накал, пропаганда, плакат...

— Пропагандисты тоже нужны, — с трудом освобождаю руку, — люди хотят быть обмануты честно, без кроссвордов. Никто не хочет платить за чужие проблемы. Своих хватает. Мне пора. Звони. Увидимся на досуге.

Люди общаются на волнах. Я в это верю. Вован Андреевич, наверное, почувствовал, что мы о нем много болтали, и позвонил мне. Никогда не звонил, а тут взял и позвонил. Застал прямо в студенческой аудитории.

— Привет, — голос молодой и спокойный, голос сорокалетнего человека, — как жизнь?

— Нормально...

— Я тебя отрываю от дел?

— Немножко, ты попал ко мне на лекцию, я перезвоню.

Вован — противник современных коммуникаций. Мобильником и компьютером обзавелся год назад. Напористые клиенты в Европе напрягли старика, заставив поселиться в Интернете. Недавно мы наблюдали, как он бравенько получал почту, клацая узловатым пальцем по клавишам ноутбука. Морщился и клацал. Было видно, что экскурсия в современный мир вызывает у него брезгливость и здоровое отторжение. Зато он хорошо смотрелся за круглым обеденным столом с послеобеденной газетой и граненым стаканом чая в железнодорожном подстаканнике.

— ... Сергей Иванович, — голос из первого ряда. Напористая девица хочет остаться у меня в памяти. — Если Никола Пуссен первый

установил демаркационную линию между эротикой и порнографией, то куда смотрели все остальные? — Я забыл про студентов. Вован выдернул меня из реальности и заставил думать о реализме. В аудитории сотня заочников, уставились и ждут от меня правды... про эотику.

Через час я ему перезвонил. Вечером мы воссоединились на нейтральной территории.

Кафешка на Адмиральской — не самое лучшее место для бесед. С ресторанным бизнесом в корабельном крае большая печаль. Вечно чего-то много или чего-то не хватает. Хорошая кухня и... тинэйджерский рэп в барабанные перепонки или, наоборот, комфортная тишина, но из еды — только алкоголь.

В нашей кафешке нормально кормят и нет агрессивной музыки, зато толпы профессиональных попрошаек заставляют Вована отвлекаться, искать по карманам мелочь. Прошло 20 минут, а я так и не понял, зачем ему понадобился.

Все, терпения нет.

— Подожди, — останавливаю его руку за очередной монеткой в кармане. У нашего стола стоит мальчишка лет 12-ти. Чистая рубашка, добротная обувь, просит денег без «пожайлуста».

— Пошел вон отсюда.

— ..?

— Пшел вон. Мы педагоги и не любим маленьких детей. — Мальчишка столбенеет окончательно и тихо уходит. — Владимир Андреевич, давай к делу. Нам тут не дадут долго общаться.

— Видишь ли... — Вздох и... опять молчание.

— Ну?

— Мне принесли одну рукопись из издательства, — роется в полиэтиленовом пакете и вытаскивает толстую папку, — вот.

— Что это?

— Рукопись, — пододвигает мне папку, — знакомая прислала из Харькова. Она устроилась на работу в издательство и это ее первый проект. Испытательный, так сказать...

— Кем устроилась?

— Менеджером, редактором... не знаю, как это у них там зовется...

— А ты при чем?

— Она просит ее проиллюстрировать...

— Ну.

— Что ну?

— Какие проблемы? Иллюстрируй.

— Сережа, я никогда не занимался этим, не знаю полиграфических заморочек и вообще никуда дальше графики не двигался...

— Владимир Андреевич, откажись. Не парь мозги. Это долгая история, отдельный жанр, этому учатся годами, и получается не у всех...

— Не могу отказаться, — опустил морщинистую ладонь на папку, — это внучка моего товарища. Погиб под Смоленском.

— Хорошо, а я зачем тебе здесь?

— Ну, ты ж пишешь всякие книжки, имеешь представление...

— Андреич, смеешься. Нашел специалиста. Я их не иллюстрирую, этим заняты другие люди...

— Картинки рисовать тебе не надо. Сам все сделаю. Мне только нужно замысел оформить...

— Ну хорошо, а если ничего не получится? Что тогда?

— Тогда девчонку выгонят, останется без работы, сирота...

— Андреич, перестань ситуацию нагнетать. Какая сирота, если это внучка?

— Обыкновенная сирота, без родителей живет. — Опять подошла цыганка. В руках безжизненным поленом грудной ребенок. Не сговариваясь, даем денег.

— Что за рукопись хоть?

— Роман, — придвинул папку и уставился бесцветными глазами. Придвинул, как к стенке прижал. Не отвертеться. Придется листать. .

Выходные данные: издательство «Клио», 323 страницы, карманный формат, офсет, тираж, переплет мягкий.

— Зачем в таком формате иллюстрации? Это ж дорожное чтиво.

— Вот, вот, — разводит руками, — у них эксперимент такой.

Листаю дальше. Нормально. На титуле название: «Рыжая проказница». Женский эротический роман.

— Это что, порнуха? — мне делается беспричинно весело. Старому пердуну-реалисту под занавес жизни послано испытание — иллюстрировать порнушный роман.

— Ну, не совсем... Это что-то вроде эротики... — Вован узловатыми пальцами забарабанил по краю папки. — Это история про девушку,

которая хотела выгодно выйти замуж и вышла... без любви. Потом всю жизнь была несчастна... В общем, знаешь как с мужиком, который не нравится, ну, в общем, знаешь...

Хм. Знаешь. Конечно, знаю. С мужской колокольни знаю. Ба-рышня тебе нравится — и ты распускаешь павлиний хвост, ей это нравится еще больше. Она показывает, как ей это нравится. У вас с ней все получается, вы вместе живете, рождаете детей, обрастаете общими друзьями, каким-то хозяйством. Затем павлиний хвост у вас складывается, тяжело ходить по свету с распущенным веером и — все... Девушка теряет интерес к особи без хвоста и... начинает искать другого павлина с распущенным хвостом. А они вот... рядом пасутся... на расстоянии вытянутой руки.

— ...она ищет в этом богатом мире человека, с которым ей будет по-настоящему хорошо, — возвращает меня к беседе Вован, — ну, у нее всякие там препятствия, женские интриги... жестокие люди...

— Ладно, Владимир Андреевич, — встаю, протягиваю руку прощаться, — когда это нужно тебе?

— Быстрее надо...

— Хорошо, завтра созвонимся.

Иллюстрировать прозу — тяжелый труд. Дилетанту здесь делать нечего. Художник, в отличие от писателя, мыслит готовой картинкой. Ему нужно только пространство. Писателю для создания образа еще нужны время, среда, обстоятельства, другие люди. Если писатель начнет мыслить плоскими картинками — он скатится в журналистику. Этого делать нельзя. Нельзя сказать о герое, что он несчастлив в этой жизни, прямо в лоб. Читатель должен сам совершить работу. Нельзя на него давить, он должен сам догадаться, почему герой несчастлив, почему с ним происходят события сюжета, и... поверить писателю. Этого сопереживания писатель добивается постепенно. Он всегда становится пленником придуманных обстоятельств. Его герои ведут себя капризно и независимо, он не в силах изменить их судьбу волевым решением. Лев Толстой не хотел бросать Анну Каренину под поезд, он сопротивлялся до последнего. У Достоевского тоже была коварная

мысль оставить преступление нераскрытым и не отправлять Родиона Раскольникова на каторгу.

У художников все по-другому. Когда они смешивают краски — в голове уже готовый замысел. Они могут экспериментировать по дороге с композицией, цветом и светом, с чем угодно, но в голове у них — готовый образ. Они как математики-теоретики, которые знают, что результат теоремы будет такой-то. Дело остается за малым — надо это доказать. Откуда у художника появляется в голове картинка? Откуда математики знают результат новой теоремы? Есть много версий. Защищаются диссертации, создаются научные школы. Все хотят прикоснуться к божественной природе творчества. Пока получается неубедительно...

Звонок. Отвлекает меня от абстрактных размышлений. Минут сорок пялюсь в рукопись и не могу собраться в кучу. Это Вован. Забыл мне передать издательские замечания к рукописи. «Давай донесу». — «Не надо, сам разберусь».

Зачем мне издательские замечания? Что они изменят? Ксавьера Холландер — автор романа — уже классик жанра. У нее своя рубрика в «Penthouse». Она богата, востребована и совсем не нуждается в замечаниях провинциального издательства.

Сюжетец, кстати, еще тот. Дело происходит в Англии, в начале XX века. Молоденькая девочка приехала в Лондон искать счастья. Перебираясь из койки в койку, наконец нашла. Живет в поместье, куча слуг, своя конюшня, предсказуемый завтрашний день. Бодра, весела и счастлива, но...не любит пожилого породистого супруга. Тоскливо ей, бедолаге. Так тоскливо, что она начинает дефилировать по конюшням, поварам, дворецким. Спит, несчастная, со всеми слугами. Ищет любовь и находит ее в объятьях красивого, талантливого и богатого молодого человека — троюродного брата мужа. Все. Конец веревки. Конфликта нет. Скучно.

Продвинутые киевляне правы. Недавно организовали общественное движение сопротивления массовой культуре. Им не нравится то, что «пипл хаает». Журнал свой издают и сайт обновляют. Молодцы...

Звонок в дверь. Вован. Пришел все-таки, принес замечания издательства. Видно, что старик переживает по-настоящему. Принес бу-

тылку какого-то коньяка и килограмм яблок в полиэтиленовом пакете. Настроился на долгий разговор в кухне. О чем говорить?.. Мнение мое убого, и я, скорей всего, ему не помогу.

Иллюстратор не может бороться с текстом. Он должен плыть в ассоциативном ряду писателя. Расставлять акценты в слабых местах сюжета, заполнять дыры в содержании. Работа неблагодарная, особенно если текст находится в жестком противоречии с эстетикой художника. Вован должен себя пересилить, чтобы акцентировать эту бездарную порнуху.

— Прочел? — режет ножом крупные яблоки и наливает коньяк по рюмкам.

— Прочел. — Поднимаю рюмку. — Давай.

Выпили. Потянулись за яблоками. О чем говорить?.. Не знаю. Совсем не знаю. Закурил, рассматриваю сквозь дым лицо собеседника. Он хрустит яблоком и молчит. Терпеливо молчит. Никуда не деться, надо сказать правду.

— Вот, — беру наугад лист рукописи и пробегаю глазами, — цитирую: «... и его мощный красноголовый воин медленно вошел в ее пылающую влажную пещеру...». — Поднимаю глаза поверх очков. — Пещера может быть одновременно пылающей и влажной?

Молчание.

— Или вот, — перебираю листы, — «... слегка приподнявшись в стременах, он притянул Алетту ближе к себе одной рукой, сжимая ее живот, а другой нащупал ножны своего неистового орудия...». Он ее что, резать хочет? — Вован молчит. Опустил руку с надкушенным яблоком. Не хочется его добивать. Но как убедить пожилого человека, да еще художника?.. — Вот, тоже, послушай, — опять наугад лист, — «... он овладел прекрасной Вивиан на глазах испуганного брата и превратил ее в заурядную женщину...». До этого она, конечно, была незаурядной, а «красноголовый воин» сделал ее заурядной. Печаль большая, но для кого?.. Для брата?..

— Что делать с этим? — тихо вклинился Вован и положил яблоко на стол.

— Не знаю. Ты видел, как оформляется подобное чтиво?

— Видел, — машет рукой, — они стараются вообще не пускать картинку во внутрь, так... обложка только. Примитив.

— Слушай, — у меня какой-то проблеск, — а если ты в супремате попробуешь сделать? Представляешь, порнуха в общих символах... Хромосомный ряд, ну, все такое... Почти поэзия.

— Да нет, — качает головой и опять наливает коньяк, — ты ж знаешь, поздно из меня Малевича лепить.

Опять молчание. Вован вздыхает и пьет. Жалко его.

— Слушай, — вытаскиваю еще сигарету, — давай рассуждать спокойно. В романе нет любви, только похоть. Бездарное описание тупых страстей. Нет очищающего страдания. Все мелкое, искусственное, трусливое какое-то. Для этой тетки переспать с кем-нибудь — даже не повод для знакомства. Она не хочет трудиться. Измена, одиночество и разочарование в романе девальвированы. Текст — дебильный, нет внутренней парадоксальности, читать невозможно. В общем, тоска.

Ты, понятно, сопротивляешься. Не хочешь плыть в ассоциативном ряду этой бабы...

— Какой? — очнулся Вован

— Ксавьеры Холландер, — закуриваю сигарету.

— Ну?..

— Что ну? Не хочешь — не плыви. Займи пустующую нишу парадоксальности текста и заполни ее.

— Это как? — совсем ожил и перестал подбрасывать яблоко.

— Не могу сказать как. Знаю только теорию. Текст романа и твои картинки — это система, которая жива до тех пор, пока сохраняется внутренняя противоречивость составляющих элементов. В сюжете нет общего конфликта, вернее, он есть, но какой-то мелкий и нравственно низменный. Тебе нужно усилить парадоксальность системы и показать высокую божественную природу тех чувств, которые автор свела до состояния прямой кишки. Задать тему я не смогу, потому что не художник. Однако знаю — ты должен перевернуть все с ног на голову. Пусть пипл листает книжку, пусть он почувствует какое-то неудобство и поработает башкой. Сначала это трудно, но потом народ втягивается, а потом подсаживается, а потом вообще начинает торчать на этом...

— Стоп, стоп, — машет рукой Вован, — не надо так частить. Давай помедленней, притормози...

— Чего тормозить. Сколько тебе нужно иллюстраций на этот объем?

— Не знаю... 15-20, может быть...

— Прекрасно! Бери текст и сделай что-нибудь чистое. Сделай вопреки авторскому замыслу.

Вован замолчал. Наливаю еще по рюмке коньяка.

— Давай, у тебя все получится.

Выпили. Опять молчание, но не тягостное. Вован задумчиво кусает крепкими зубами яблоко. Смотрит в темное окно.

— У меня в 62-м была на цементном заводе одна... фифа такая, никому не давала... еле-еле допросился... А знаешь, почему допросился?

— Почему?

— Потому что стих ей прочел... Короткий такой... Она мне сразу и дала...

— Есенина прочел?

— Не-е, из газеты вычитал. Про любовь. Не помню сейчас. Целый вечер учил. Потом рассказал ей. Сразу дала. Другие из бригады только матерились и сиськи щипали, а я ей стих рассказал. Она меня сразу пожалела... — Наливает остатки коньяка, — это, наверное, и есть твоя парадоксальность. Ну, давай, на коня. Хорошо общались...

Месяца через три я увидел ее.

Книжка Ксавьеры Холландер «Рыжая проказница» лежала в студенческой аудитории на первом столе. Карманный формат, дорожное чтиво. Молоденькая заочница, краснея, протянула мне посмотреть.

Иллюстрации Вована гениальны. Людей нет. Одни лошади. Наши лошади — не английские. Лошади пасутся попарно и в табунах. Невысокий донской жеребец стоит на пригорке и смотрит на косяк молодых кобылиц.

Хозяин.

Высокий ковыль прикрывает жеребенка. Рядом красивая лошадь косит глазом на детеныша. Семейные пары скакунов стоят в долине, касаются друг друга шеями. Они любят друг друга и счастливы по-настоящему.

Воспитатель

— ...игра так называется.

— Как?

— Как, как. Название у твоей игры длинное и звучит примерно так: «У Сережи девушка вышла замуж — и он запил. С ним все носятся как с писаной торбой, жалеют, участие принимают». Игра твоя, дружище, может длиться от 3 до 6 лет. В зависимости от способностей. Потом все устают в нее играть, и ты выдумываешь новую игру...

Мы у Доктора в офисе. Он меня ругает за пьянство. Пить я не умею категорически. Сваливаюсь в запой. Неприятно удивляю друзей своим бредом, с некоторыми ссорюсь, затем подсчитываю потери, зализываю раны. Через год все повторяется.

Доктор — педагог и разговаривает со мной в повелительном наклонении. Все доктора и учителя говорят в повелительном наклонении. Это профессиональное...

— ...ты прилагаешь титанические усилия, чтобы заставить мир вертеться вокруг себя. — Доктор разошелся и закурил. — Пока получается неплохо. Но, поверь, скоро все заскучают, и тебе придется выдумывать новую игру...

Доктор — жестокий педагог. Два года назад вышел из операционной, где вынимал аппендицит у какого-то клиента-алкоголика, и столкнулся в коридоре с его плачущей женой. Поговорил с ней и... помог барышне. Зашел в палату, похлопал пациента по плечу, сделал скорбное лицо: «Случайно посмотрел на твою печень, дружище. Она у тебя ни к черту. С такой печенью можешь попить еще месяц-два и, пожалуй, все... на Мешковку...» .

Вот так вот. Зато пациент не пьет, семья счастлива.

— ... можешь играть в эти игры сколько угодно. Придумывать себе любую жизнь, но... — пальцем себе в лоб, — режиссер ты никакой. Драматургия у твоих игр — дебильная. Сходи в театр, поучись...

На стене у Доктора — картинки николаевских художников. Хорошие картинки. Кто-то у него лечился, кто-то воспитывался, как я, кто-то приводил мозги в порядок.

Доктор — психоаналитик, но какой-то стихийный. Где-нибудь в Европе или в Штатах у него давно бы отобрали лицензию, затаскали бы по судам и выперли отовсюду. Умер бы от голода где-нибудь на помойке за сотую долю того, что он позволяет себе в Николаеве. А позволяет он себе многое.

Может, например, сказать клиенту при первой встрече после осмотра: «Ты, парень, скоро сдохнешь и перестанешь мне морочить голову. Ты всех освободишь от себя. Сдохнешь и правильно сделаешь. Жизнь твоя совсем никчемная, даром напрягаешься... Болезнь твоя в мозгах...».

Оказывается, помогает. Шоковая терапия. Клиент задумывается. А думать, считает Доктор, полезно.

— ... придумать игру полезно. Но ты ее только придумал, — поправляет очки и опять вытаскивает сигарету, — тебе нужен режиссер, чтобы вовлечь в орбиту своих интересов других людей-актеров. Я не буду твоим режиссером. Не хочу. Считаю, что я первый заскучал на твоей игре. Ищи другого. Мне скучно...

Граница между трезвым миром и алкогольной страной — жестокий фронтир, тяжелая территория... сталкеровская зона. На этой демаркационной линии нет правил. Всякие шарлатаны предлагают свои услуги: «Выведу из запоя за час!», «Лечение запущенной алкогольной зависимости в течение трех дней»... Мошенники. Проводники по этому маршруту очень опасны. Да и не нужны. Надо перестрадать. Надо. Кто не способен страдать — навсегда останется в этом тоскливом мире.

В русской литературе существует богатая традиция посталкогольного состояния. Все переходили эту границу: от Тредиаковского до Шукшина. Гусары в XVIII веке, прежде чем отправиться на полковую вечеринку, выпивали бадью с подсолнечным, сливочным, оливковым маслом и... «добавляли немного уксуса», чтобы жирная пленка обволокла желудок и алкоголь не впитался в кровь, — рецепт достался от Алданова. Вот так вот. От Толстого дошло кислое молоко. От Достоевского, Гончарова и Чехова — традиционный рассол, от Шукшина — баня. Серебряный век предложил экзотический пунш. В общем, все внесли свою лепту в эту вечную фармакологию, но Доктор считает, что нельзя брать лекарственную контрабанду через границу, только мозги... одни мозги...

— ...мозги в кучу собери. Если, конечно, они у тебя остались. Все бессмысленно, кроме мозгов. — Мобильник. Опять ему кого-то надо вести через границу. Доктор отвлекся и воспитывает невидимого абонента.

Чтобы перейти границу, нужно совершить творческий акт. Это не есть написанная книга, это даже не научное открытие, не краски, вылитые на холст. Это мое внутреннее знание, неведомое остально-

му миру, сокровенное. Когда стоишь перед Тайной и боишься шелохнуться, боишься вспугнуть.

Стоять долго нельзя — умрешь. Ты — животное социальное, надо двигаться к людям. Начинаешь переходить контрольно-следовую полосу — и... донес! Вот она! Книга! Картина! Вот оно, раскрытое преступление, разгаданная теорема! Вот он, выход из тупика! Спасенный бизнес...

Вся трагедия происходит на фронтире. Здесь творческий замысел становится контрабандным товаром. Он начинает подчиняться законам искусства. Это холодный коридор. Не все могут пересечь таможеню. Надо быть хорошим ремесленником, чтобы доставить свою тайну к людям, уметь снизойти в мир и сообщить всем о своем прозрении, образе, замысле. Ремесло должно быть у Творца «под ногтями», иначе он не будет творцом, а будет сумасшедшим.

Поэтому всегда присутствует трагедия: никто не может перенести через границу свою интуицию, художественный образ, творческий замысел в полном объеме. Всегда таможня грабит.

В мире много людей — писателей, врачей, прокуроров и поэтов, которые беспрепятственно пересекают демаркационную линию. Им нечего прятать от таможни. Они законопослушны, эти графоманы, чиновники и доктора. Они потребители готового продукта, который через границу доставили другие.

Доктор тоже пересекает границу тяжело: ссорится с домашними, конфликтует на работе, но пьет редко. Умеет общаться с пограничниками и знает главное правило: много с собой тащить нельзя — все равно отберут.

— ... мне с тобой неинтересно общаться. Посмотри на себя в зеркало, — Доктор вернулся к моему воспитанию, — спиртное вызывает у тебя в башке очень высокое возбуждение, которое сменяется развитием запредельного торможения. У тебя нарушается функциональная активность тимико-лимфатической и эндокринной подсистем организма, начинается активная дегенерация психо-эмоционального статуса в сторону агрессии и высокой тревожности...

Ничего не понятно. Эта медицинская речь, как арабская вязь, — недоступна, однако бодрит и успокаивает. Ненормативная лексика

тревожит, а медицинская почему-то бодрит. Наверное, потому пациенты и чувствуют, что соприкасаются с Тайной, которая доставлена сокровенным знанием в этот мир через границу, через Творческий акт.

У докторов, как у поэтов, — тот же путь через фронтир. Творческое горение, взлет или откровение всегда направлены на добрые дела и сохранение жизни. Их откровение — это правильный диагноз, в который никто не верит, но при вскрытии уже холодного трупа обнаруживается правота доктора-поэта. Их творческое прозрение и путешествие через фронтир заканчивается победой над смертью неизлечимого больного...

— ...поверь мне, дружище, — тыкает в меня тонким пальцем, — трудно жить человеком — легко быть растением. Ты стал архетипом, особью, у которой поломана сложная система самоорганизации. У тебя высокая энтропия и повышенная десинхронизация существующего маргинального состояния. Понятно?!

— Понятно.

— Это хорошо. Еще по сотке и ступай домой. Воспитание закончено.

Пока, Доктор. Увидимся через год или раньше... на фронтире.

Лицо

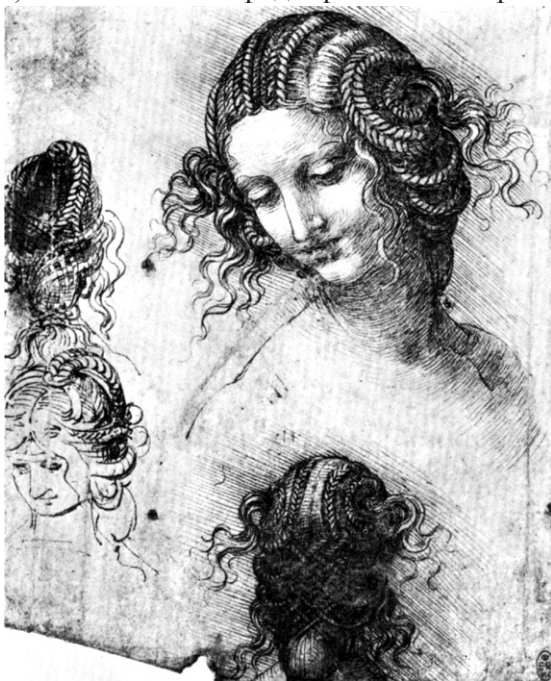
Тургеневская девушка. Совсем тургеневская. Краснеет от слова «блядь» и сразу замыкается. Возраст... лет 30, может быть. Детей нет. Блондинка стриженная. Образование верхнее — то ли технолог, то ли конструктор, не помню точно. Работает в парикмахерской. Пребывает в другом мире. Нет, не сумасшедшая, просто ей надоело жить в корабельном крае, и она уехала в свою комфортную страну. Три раза была замужем и опять собирается. Верит мужчинам.

Живет в большом сталинском доме, в районе детского городка «Сказка». Зовут Люда. Высокая и спортивная. Не дурнушка, можно сказать, миловидная. Много таких. В общем, обыкновенная. Однако

клиенты к ней толпятся постоянно. Не потому, что хорошо стрижет, а... что-то в лице есть такое, что заставляет народ торопиться и выстраиваться в очередь.

Я тоже в этой очереди и раз в месяц смотрю в зеркало на ее лицо.

Интересная картина. Прочитал недавно в какой-то эзотерической книжке, что в жизни человека наступает к старости момент, когда внутренний духовный мир личности начинает работать, как скальпель пластического хирурга, начинает менять лицо. Некрасивые люди становятся прекрасными добрыми стариками и старушками, а лица писанных красавиц превращаются в жестокий шарж, от которого все шарахаются. Время подводит итог нравственным страстям...

Мы давно знакомы, и я знаю, как менялось это лицо.

Добрые морщинки у глаз появились после того, как она застала своего первого мужа-спортсмена на горячем — в койке со своей подругой и... простила. Затем простила еще пять раз. Ушла тогда, когда подруга уже ходила беременной на четвертом месяце.

Едва заметная линия на лбу и опытная складка в уголках губ образовались во втором браке. Ее благоверный, спившийся музыкант, проиграл каким-то бандитам в карты все: машину, квартиру и... саму Людочку. Ну, Людочку друзьям удалось отбить, а вот с квартирой пришлось расстаться.

Синие глаза выцвели от слез и стали серо-голубоватыми, горестная морщина поперек лба, черта на подбородке. Это в 1998-м. Третий брак и самый счастливый. Муж — известный в городе архитектор, умер от старости в 86 лет. Боже, как они любили друг друга! Вся тусовка ходила к ней в гости на экскурсию. Любовь заполняла старые стены громадной архитектурской квартиры. Это была действенная терапия. Как только у кого в семье начиналась напряженка — все спешили к Людочке, и... конфликты сами собой прекращались. Хорошая терапия. Совсем хорошая.

Люда в зеркале, с ножницами. Мои волосы падают на колени.

...наверное, сама по себе любовь не есть творческий акт. Нужна какая-то жертва, которая предполагает столкновение Твоего чувства с набором ценностей и благ, признаваемых обществом. Величайшая тайна жизни сокрыта в том, что удовлетворение получает лишь дающий и жертвующий, а не требующий и поглощающий. Положительная тайна жизни скрыта именно в любви дающей, жертвенной и творческой...

— ... Сережа, ты не тинэйджер, — возвращает Люда к зеркалу реальности, — нельзя носить такие виски. Ты похож на панкушника из 80-х. Давай мы их уберем.

— Давай.

...наверное, надо быть самим собой. Человек должен обнаруживать творчество именно в нравственных актах своей жизни. Ни одно мгновение не должно противоречить Твоему нравственному закону. Именно эта Гармония способствует тому, что в каждом индивидуальном творческом акте творится новое добро, которого в мире до Тебя еще не было. Добро, сопровождаемое страданием, — свободно от показной благотворительности, свободно от обязательства отвечать добром на добро. Это жертвенная любовь...

— ...на прошлой неделе Настя меня уговаривала забрать с собой родителей, а они точно не захотят, — снова возвращает меня к зеркалу, — они приросли к даче, к дому. Они точно откажутся. Я не смогу их убедить...

...Эх, Люда, Люда... Снова собралась замуж. Опять, наверное, обожжется и опять будет верить мужикам. Будет верить с новой силой. Знакомство по Интернету — большая лотерея. Собралась во Францию. Все распродает и уезжает. Будто не было трех браков, не было горького опыта. Будто нет условного рефлекса на людское коварство. Творческая этика поступка — жертвенна и отрицает предыдущий негативный опыт. В этом она свободна и не связана цепями общественных традиций, понятиями статичной социальной нравственности. Необдуманый для нас поступок молодой женщины — это творческий нравственный акт, это ее изобретение...

— ...все, — расчесывает последний раз пробор, — пошли мыть голову...

Теплая вода, мягкие руки гладят по голове. Первородная среда, материнская плацента. Она стоит перед Тайной и понесет ее через жестокий фронтир. Я верю, что она доставит свое открытие через холодный коридор и явит его людям новой счастливой семьей.

Письмо

Я рекрут. Меня забрали в Красную Армию. Мой папаша, областной военком, устал терпеть сына-разгильдяя и отправил служить к черту на кулички — в Германию.

Помню, как сейчас. Два прапорщика пришли к моей подружке домой, вытащили из койки и увезли прямо на призывной пункт. Чувствую себя Фанфан-Тюльпаном. Никаких повесток, никаких медкомиссий, тупо забрали и увезли. Теперь стою в очереди таких же бритоголовых рекрутов, чтобы получить сухой паек: хлеб и тушенку.

Весна 1976 года. В стране демографический взрыв. На арену выходят дети тех, кто по возрасту не успел попасть на последнюю войну.

Нас много. Некоторые здесь уже третий или четвертый раз. Посидят-посидят неделю и... домой, чтобы через полгода опять торчать за этим забором. Армия не справляется с избытком населения, ее желудок переполнен и не успевает переварить пушечное мясо. Среди нас

есть экземпляры, которым 25 лет. Если они в этом году не успеют отдать свой долг Родине, то по закону уже никогда его не отдадут. Родина им простит.

У меня теплится надежда, что я тоже вернусь домой. Здесь плохо кормят и нет моих пластинок. Стриженная голова мерзнет на апрельском ветру. Хочется назад... к людям.

Призывной пункт в Новосибирске — это заброшенный стадион. Народ расположился на травяном газоне футбольного поля и трибунах. Лениво едят свою тушенку, болтают, играют в карты. С интервалом час-полтора на крыльцо выходит потрепанный лейтенант с бумагами и выкрикивает какие-то фамилии. Вот он опять выполз, вытаскивает из кармана мятую бумажку, долго в нее пялится. Видно, что пьяный.

— ...Гаврилов, — покачивается, озирает толпу, — ком цу мир.
Все. Надо идти отдавать долги.

Армия — не очень хорошая страна. Мало альтернатив, много ритуализма. Нужно постоянно отдавать свою честь. Я служу в Вюнсдорфе — столице оккупационного края. Здесь штаб главкома группы войск и вся его обслуга: комендантский полк, спортрота, ансамбль песни и пляски ГСВГ, какой-то спецназ и вертолетчики. Все ходят строем, даже танцоры.

Лейб-гвардия, придворный гарнизон, жесткая мелочная опека жизни. Никакой дедовщины, страдают все. Генералов больше, чем солдат. В общем, невесело, совсем невесело.

Сегодня праздник, который продлится целую неделю. Все уехали на север, в Магдебург. Очередные штабные учения. Гарнизон вымер. Ни одного чиновника в лампадах. Я целый сержант, и потому оставлен здесь за главного дежурить по части. У меня есть караул в 24 человека, фельдшер, 8 больных в санчасти и тяжелый обнаглевший повар.

Повар готовить не хочет, ему две недели до дембеля. Пьет целыми днями в большой печали, и к плите его не поднять. Мы ходим в столовую к вертолетчикам. Омлет, отбивная и разные салаты — здорово.

Тишина. Пустой плац и серые казармы. Это бывшая нацистская тюрьма. Здесь томился Эрнст Тельман. Мы с Ленчиком пьем пиво и целыми днями играем в шахматы у меня в кабинете. Ленчик — фельд-

шер из Николаева. Хороший парень, философ и пофигист. У него всегда есть травка. В меру циничен и почему-то не любит евреев.

— ...слушай, встречаются два еврея: «Изя, — говорит один другому, а ты знаешь, Абрам, оказывается, пидарас». — Ленчик забрал ферзя и теперь мне придется трудно. — «А что, он тебе долг не отдал?» — удивляется Изя. — «Да нет, в хорошем смысле слова...».

Я устроил сложный размен, и через два хода ферзя не будет уже у Ленчика. Он расстроен. Расстроен по-настоящему.

У него в Николаеве осталась девушка. Он не может без нее. Все свободное время пишет письма. Я видел одно. 9 страниц убористого текста. Плотное общение. Она уже настоящий доктор и старше Ленчика лет на пять. Зовут Жанна. Я знаю про нее все. Весь мир полководца фельдшера вертится вокруг Жанночки.

Жанночка трудится в больнице моряков. Спокойная ведомственная больничка — не фронтовая БСМП. Любит стихи — «пастернаков всяких» — и шляется по мастерским николаевских художников. Красивая. С фотографии на меня смотрят томные коровьи глаза. Видно, что позирует специально для Ленчика.

— Звонила Елизавета, — он смирился с потерей ферзя и возвращает меня к заботам.

— Ну и что?

— Паникует, говорит, что сегодня начнется.

— Она уже две недели говорит... это мифология... Шах!

Елизавета... Головная боль. Молоденькая жена нашего командира роты Иннокентия Павловича Болотова.

Кеша — свой парень. Генеральский сынок, случайный человек в армии. Разгильдяй. 36 лет — и в лейтенантах. Надо бы задуматься. Армия для него — страдание такое же, как для меня. Мы родственные души и пьем иногда вместе вонючую берлинскую водку.

Елизавета — второй брак у него. Двадцатидвухлетняя пианистка. Мама ее выпихнула замуж в генеральскую семью и... удачно выпихнула. Они с Кешей — два голубя. Хорошая семья. Детей рожают.

Елизавета беременна вторым ребенком. Очень мнительная и опять боится рожать. Кеша просил присмотреть за ней. Зря просил. Она сама меня напрягает каждый вечер по телефону: «Сережа, вот-вот начнется...».

На доске почти катастрофа. Ленчик зажал меня в угол. Я попался. Ситуация классическая: надо либо отдать собственность, либо умереть. Легко расстаюсь с ладьей. Надо легко расставаться с вещами. Тот, кто легко с ними расстаётся, потом легко с ними воссоединяется. Надо жертвовать вещами...

Звонок. Это Елизавета.

— ...приходи быстро, началось...

— Тихо, тихо, — у нас недоигранная партия, и не хочется ее прерывать, — не паникуй. Прислушайся к себе, спокойно... — Я, кажется, нашел выход, и теперь два моих офицера с ладьей добивают белого короля в последней схватке...

— Быстрее! С меня все течет...

— Куда течет?

— Быстрее, придурок... — Молчание, гудки...

Черные офицеры ведут на помост белого короля. Лилии Бурбонов под копытами моих коней. Еще ход — и голова Людовика упадет в корзину гильотины...

Опять звонок. Это уже соседка. Надо срочно идти, «у Лизоньки, кажется, отходят воды».

— Тебе повезло, — сгребаю в кучу фигуры, — у Лизаветы, кажется, действительно началось. Готовься, сейчас привезу...

— К чему готовиться? — Ленчик насторожился. Насторожился по-настоящему.

— Роды принимать готовься, — встаю и цепляю ремень, — у нее воды отходят, соседка звонила...

— Какие роды?!

— Обыкновенные, какие...

— Какие роды?! — Ленчик в шоке. В неподдельном шоке. С ним что-то не так. Мне делается холодно. Холодно где-то внутри, в паху. Я

не умею принимать роды... Я дантист... Я не был на этих лекциях... Я не умею...

... темно в глазах. Я избил Ленчика, избил капитально. Он сидит на полу и вытирает кровь с разбитого рта. Свет ко мне возвращается медленно.

— Что будем делать?

— Надо везти в госпиталь, — сплевывает Ленчик кровавую слюну, — в Топиц...

Топиц — групповой госпиталь. Целый больничный город и обслуживает один миллион солдат оккупационной армии в Германии. До него километров 100, примерно как до Херсона. У меня в распоряжении 320 разных автомобилей по списку и... ни одного водителя.

— Машину водить умеешь? — Мне опять делается холодно внутри.

— Какую?

— Любую.

— Нет, — опять сплевывает красную слюну, — не умею.

Мой караул состоит из одних узбеков. Автомобиль для них — «железный конь», до армии видели разве что на картинке. Из больных в лазарете только один водитель, но... в гипсе, с переломанными ногами.

Меня отпускает. Это уже не Я. Это другой парень. Я соприкоснулся с Тайной, Я перешел фронт и знаю, как водить эту машину. Я водил ее всю жизнь, и она меня слушается. Ноги на педалях, правая рука на коробке, левая уверенно лежит на руле, не сбрасывая скорости, спокойно вписываюсь в поворот. Я еду, еду, еду...

На заднем сиденье «уазика» звуки: Елизавета и Ленчик. Лизавета стонет, лицо серое и потное. Кричит.

Я еду, я опять еду.

Немецкая степь не похожа на украинскую. Она какая-то мужская. Нераспаханная, без посадок и декоративная. Нет безбрежности. Нет материнской плаценты. Глаз постоянно натывается на какие-то стро-

ения. Аккуратная Европа, дома под черепицей. На спидометре сотка. Мне не страшно. Я — свободен, я — единое целое с этим железом и ничего не боюсь...

Удар сзади в затылок. Лицо в клаксон, правая нога на тормоз. Визг покрышек.

— Ты оглох?! — Ленчик смотрит сквозь меня ледяными глазами ... он тоже перед Тайной, но фронтир еще не пересек. — Мы ее не доведем. Заруливай в карман, будем работать. — Голос спокойный, разбитые губы едва шевелятся.

Встаем на обочину. Вытаскиваем из «уазика» дерматиновые сиденья и укладываем их прямо на дорогу. Выносим Лизавету, ее знобит, руками придерживает низ живота.

— Найди камень и подопри левый край... Достань паяльные лампы... Вода в канистре... Сумка в багажнике... Простынь у нее в сумке...

Лизавета доходит. Красивую барышню не узнать. Устала кричать и теперь только стонет. Заднее сиденье залито ее водами, красная плацента течет у меня по рукам. Это сон... Это происходит не со мной...

— ... найди ампулу с новокаином и поверни ей голову... прибавь огонь в лампе, достань две пеленки ... держи ее...

Лизавета в сознании. Она постарела и не хочет жить. Тонкие ноги дернулись. Держу ее плечи и боюсь смотреть в эту сторону...

— ... налей воду в ведро... не телись... на руки лей... еще...

Меня опять отпускает. Спокойно смотрю туда, откуда должен появиться ребенок. Мне не страшно. Ребенок идет ножками вперед. Коленка, еще коленка. Лизавета не кричит, глаза открыты и спокойны. Она по-прежнему живая, она знает, что происходит, она встретилась со своей Тайной и несет ее очень мужественно...

Крик, опять крик. Это пацан. Красный червячок. У нас кончились чистые пеленки, и мы заворачиваем ребенка в больничный халат

Елизаветы. Возимся долго и совсем про нее забыли. Она закрыла глаза и не дышит.

— Держи, — Ленчик сует мне в руки сверток с ребенком и берет ее пульс, — живая... устала... пуповину до госпиталя довезем...

Через сорок минут доехали. Сидим в приемном покое. Седой майор-гинеколог и молоденькая акушерка долго осматривают мать и ребенка. «Повезло, повезло вам, хлопцы. Пять лет дисбата на двоих я б вам обеспечил, если б не довезли...».

Подходим к машине. Что делать? Я не знаю, что делать. Я опять не умею ездить на машине. Я ее просто боюсь. Боюсь этого железа. У меня нет «ремесла под ногтями», я не донес своей Тайны к людям, совсем не донес...

— Пойдем куда-нибудь, запустим, — Ленчик поправляет ремень и тревожно оглядывает главное здание госпиталя, — машину кинем на КПП, у меня здесь земляк, целый прапорщик... Тут где-то рядом у камрадов гаштет. Есть повод навестить...

Оставляем «уазик» прапорщику. У меня в кармане 70 советских рублей. Это целое состояние в Германии. Бабушка прислала на день рождения. Курс обмена к марке — один к трем. Можно жить две недели, не вылезая из гаштета. Надо идти.

Гаштет — придорожная немецкая кафешка, что-то вроде русско-го трактира или деревенского шинка. Здесь кормят и наливают. Капуста, свиные сосиски и... берлинская водка — совершенно вонючий шнапс.

— Ну, давай, — Ленчик опрокидывает в себя маленькую рюмку. Легко, даже кадык не дернулся. С трудом вталкиваю свою и запиваю пивом.

— Слушай, а зачем ты мне плел, что ничего не можешь, что дантист?.. — жирная свиная сосиска брызгает под моим ножом.

— А я действительно не умею, — Ленчик прикуривает и выпускает дым в сторону, — зачет по акушерству сдал на халяву. Деревья подрезал на даче у преподавателя.

— Ну, а как ты это сделал?

— Как, как. По Булгакову, наверное. Помнишь, у него доктор тоже оперировал в больничке без практики. В книжку смотрел, когда больной был уже на столе...

— У тебя-то книжки не было?..

— Не было. — Ленчик задумчиво уставился в узкое окно гаштета. Два часа дня, разгар работы, и кроме нас тут никого нет. Немцы должны подтянуться позже. — Не знаю, откуда из меня это вышло. Может, генетика какая-то... У меня бабка на войне в санитарном поезде работала... Наливай.

Мы набрались. Набрались до чертиков. Говорить не можем и общаемся междометиями.

Парадоксальность Творческого акта, наверное, в том и состоит, что Творец отрицает свой социальный опыт и прислушивается к своей глубинной интуиции. Именно эта интуиция приводит человека к откровению и первородной свободе. Здесь другие законы. Творец как бы отрывается от себя, но сам Творческий акт носит личностный характер. Человек вынужден пребывать в эмоциональном сверхнапряжении, которое возникает от попытки пройти в мир сверхчеловеческих ценностей, интуиции и страстей...

— ... посмотрите на этих красавцев! — В гаштет вошли три человека. Комендантский патруль: щуплый лейтенант и два здоровых сержанта. Белая портупья, на поясе штык-ножи и пистолеты. У нас с Ленчиком шансов никаких. Надо сдаваться.

Мы трясемся в кузове ЗИЛа с решетками. Нас везут на гауптвахту. Приговор: 10 суток ареста за самовольное оставление части, непотребный вид, позорящий честь и достоинство советского солдата, и... сопротивление при аресте. Оказывается, мы все-таки ввязались в драку с патрулем. У меня болят ребра и, кажется, сломан палец на левой руке. Ленчик тоже в плохом состоянии. У него синее лицо и порванная гимнастерка, на лбу глубокая ссадина.

Везут в Либерозы. Это концлагерь — групповая гауптвахта. Нехорошее место. Колючая проволока разделяет офицерскую и солдатскую зоны. Серые пятна капитальных зданий, вышка для караула. Все по-взрослому. Здесь и при Гитлере был концлагерь.

Ворота. Надпись железными буквами: «Стань честным!». Рослые караульные выталкивают арестантов из машины прямо на плац. Солнце в глаза, руки за спиной сдавлены браслетами. Настоящие преступники. Недалеко, примерно в двадцати метрах, расхристаный сержант развалился на траве с автоматом и тренирует какого-то толстого полковника. Полковник, наверное, штабист. Огромный живот колышется при ходьбе, лицо с двойным подбородком покраснело. Строевая подготовка. Тяжелое упражнение. Полковник при погонах, без ремня, выглядит жалко. «Ножку, ножку тяни», — сержант выщелкивает с травы окурки и лениво смотрит в нашу сторону. Полковнику совсем плохо, он скоро свалится прямо на плац. Нам тоже невесело. Если к высшим офицерам такое отношение, то нас здесь тоже никто не полюбит...

— Встали, — караульный толкает в спину, — смотреть вперед, не оборачиваться...

Все. Пора страдать.

Страдание не должно носить характер самоспасения, оно в творческом акте обретает бескорыстие. В творческом страдании мир раскрывается, становится пластичным и дает перспективу в другие миры. Творческое страдание преодолевает кошмар конечного порядка жизни. В нем пропадает отрицательная направленность духа, страх наказания и земной эгоизм. В этом страдании начинается чистая нравственная стихия без ужаса и вины...

— ...Стоять, лицом к стене. — С нас сняли наручники и ведут по коридору. Это настоящая тюрьма. Мы без ремней и сапог. Босые ступни на холодном полу и тусклая лампочка вдалеке. Плохая территория, тяжелый фронтир...

Мы в разных камерах. Разучились говорить и воспринимать звуки. Мы почти растения и реагируем только на свет. Нам не дают спать уже неделю и почти не кормят. Камера-одиночка — два квадратных метра без окна и... темнота... темнота...

Каменный пол уже не вызывает отторжения. Он для меня желанная постель. Хочу вытянуться и забыться навсегда. Ложиться нельзя. Я уже пробовал и попал на сутки в карцер — каменный мешок, где можно только стоять. Здесь совсем плохо. Время от времени караульный заглядывает в глазок, и тогда я реагирую на свет.

Набираю сон по очкам. Выключаюсь из жизни, иду через фронтир в цветные грезы.

Мне четыре года. Родители привезли своего сына в глухую карельскую деревню, чтобы показать бабушке долгожданного внука. Мы никогда не виделись и не знаем друг друга. Выходим из машины на сельской площади рядом с магазином. Все население вышло встречать городских гостей и расположилось полукругом. Человек пятьдесят старух и стариков приветливо смотрят на моих родителей и... молчат. Мама подталкивает меня в спину: «Иди, поздоровайся с бабушкой». Это тест. Я должен узнать ее в этой толпе. Мне никто не подсказывает, старики молчат... Я должен сам открыть для себя Бабушку и сделать это прямо сейчас, немедленно... Осторожно иду через границу, несу в себе свое первородное знание, свое откровение... Вот, вот оно! Мое лицо в бабушкином подоле. Я принес людям свое открытие, и старческие руки одобрительно похлопывают по детским плечам...

— ...Гаврилов, — в открытом проеме камеры маячит караульный. Боже! Я, наверное, опять заснул, и меня снова потащат в карцер. Боже, за что меня так?.. — Выходи.

— Зачем?

— Амнистия тебе вышла, сиделец...

За нами приехал Кеша. Напряг своего папашу-генерала, и нас выпустили досрочно. Мы не досидели два дня. На проходной — родные приветливые лица и наша «зебра» — полосатый «уазик». От свежего воздуха нам почти плохо. Засыпаем прямо в машине и просыпаемся через сутки. Стоим перед зеркалом, подсчитываем ущерб. Ленчик похудел на 11 килограммов, я — на 8. Грязные и заросшие. Граф Монте-Кристо отдыхает. Неправильный финал. Совсем неправильный.

Оказывается, мы герои. Своего сына ротный назвал Леонидом, а мне, с барского плеча, объявили отпуск на родину. Лежим в санчасти и восстанавливаемся. У меня почти все в порядке за исключением сломанного пальца, с Ленчиком — печаль: двусторонняя пневмония. Он в полубредовом состоянии и, наверное, выкарабкается не скоро. На его тумбочке нетронутая еда и раскрытое письмо из Николаева от Жанночки. Ленчик третий день молчит, не хочет поправляться. Тает на глазах. Беседы не беседует. Тупо молчит.

— Тебе надо что-то сожрать. — Наши кровати рядом, и меня раздражает гнетущая тишина. Хочется каких-то звуков. — Так ты никогда не выкарабкаешься...

— Она от меня сбежала. — Голос хриплый и спокойный.

— Кто?

— Жанка.

— Куда сбежала?

— Не куда — к кому.

— К кому?

— К жлобу какому-то николаевскому.

— Замуж вышла?

— Нет, только собирается. Вон почитай.

У меня в руках письмо николаевской барышни. Круглый безвольный почерк, жестокие слова. Это почти литература, открытые эмоции и внутренний ритм прозы. Законченная логическая конструкция.

Леня, Леня, Леня...

Когда все это прочтешь, не совершай поступков. Не убегай из армии — станешь дезертиром и тебя посадят. И не вздумай, как пацан, стреляться в карауле — я тебя перестану уважать. Будь умницей и слушай меня внимательно.

Ты понял?! Слушай внимательно. Очень внимательно.

Я... я тебя бросила. Я от тебя сбежала. Сбе-жа-ла. Момент выбрала подходящий и сбе-жа-ла. Ты в армии, связан по рукам и ногам, поэтому не сможешь никуда дернуться. И не дергайся. Смирись.

Я все про тебя знаю. Я знаю про твой детский энурез, про то, что ты два года занимался боксом только для того, чтобы избить моего ухаже-ра, ты... ты весь для меня как на ладони. Твои костюмы, галстуки висят

у меня в гардеробе, твоя боксерская груша до сих пор валяется посреди комнаты, и я запинаясь об нее спрыснок каждое утро. Неделю назад больно упала, расплакалась и... и все поняла. Все поняла. Слушай и не дергайся.

Ты мне не ну-жен, ты... ты мой предсказуемый и размеренный завтрашний день. Ты моя бытовая скука, моя преждевременная старость. Ноль без адреналина, ты моя смерть без удивления. Я тебя бро-си-ла. Ты в прошлом. В прошлом твоя горчица и пиво после работы, в прошлом твои друзья — преферансисты дебилы. Все там останется.

Я ухожу. Ухожу в другой мир. Его зовут Виталик. У него масса недостатков. Ты против него — привлекательный тяжеловес. Но ты — нудота. Ну-до-та. Тоскливая, предсказуемая ну-до-та. Поэтому не дергайся и смирись. Понял?! Смирись.

Через месяц у нас свадьба. Смирись. Мне радостно, что через месяц. Через месяц я буду просыпаться — и меня будет ожидать новый день. Хороший, плохой... не важно. Он будет новый. С тобой новых дней не бывает. Не бы-ва-ет. Я дрыхлею от этого. У меня должны быть новые дни... недели... месяцы. Из них состоит жизнь. Ты понял?! Смирись.

Я написала это за пять минут и бегу бросать письмо в ящик. Это мое решение. Смирись.

Жанна.

Круто. Бросаю письмо на тумбочку. Сказать нечего. Ленчик смотрит в потолок. Потный лоб. У него опять температура. Он ничего не ест и, наверное, задумал умереть.

Страдание целительно. Оно свободно от религиозного подвижничества. Оно изначально бескорыстно. Страданию никто не учит. Здесь нет мастер-класса. Это отпечатки пальцев. Все индивидуально. Совсем индивидуально. Страдание в творческом акте — это перемены. Пережившие страдание люди становятся другими. Белошвейка превращается в кутюрье, старуха-процентщица — в банкира, ремесленник переходит фронт и становится художником. В бизнесе... в бизнесе люди устают от привычных ценностей и приоритетов. Бизнесмен-художник морщится от новых приобретений.. Он уже это прошел, для него важны не вещи, а поступки. Для него начинается эпоха наблюдения. Он становится меценатом...

— ...если ты, Леонид Петрович, ничего не будешь есть, будем кормить тебя принудительно, как академика Сахарова, — молоденькая медсестра пришла сделать Ленчику очередной укол и отчитывает его.

Ленчик не умеет страдать. Он николаевский эгоист и болезнь его затянется. Волевой человек хочет умереть. Ленился искать альтернативу. Ленился совершать духовную работу и идти через фронт. Суицид — высшая степень людского цинизма. Православная церковь осуждает самоубийц именно за это. И правильно делает. Все самоубийцы — лентяи...

— ... нормально, как тебе все это? — повернул ко мне голову и ждет ответа.

Молчание. Я не знаю, что ему советовать. Мне девятнадцать лет и нет социального опыта. Совсем нет. Женщины меня еще не бросали.

— Определись с собой сначала...

— В смысле?

— Что тебе в этой жизни надо?

— Хороший вопрос...

— Ты ей не нужен. Она о тебе даже думать не хочет. Одна мысль о том, что ты с ней где-то рядом на планете, вводит ее в состояние шока. Смирись, для тебя это недостижимо... Успокой свои мозги и что-нибудь придумай.

Ленчик опять уставился в потолок и замолчал. Не хочет говорить. Не умеет страдать по-настоящему.

Страдание без Творческого акта безысходно. Эгоизм убивает пространство и горизонты подвижнического пути. Нужно постоянно хлестать, лелеять и пестовать себя любимого. На постижение Тайны не остается времени...

— ... может, заедешь в Николаев, поговоришь с ней? — поворачивает голову и смотрит на меня собачьими глазами, — это тебе по дороге...

— Нет, плохая идея. Во-первых, очень даже не по дороге, а во-вторых, посредники здесь не нужны. Сам должен разобраться...

— Может, ей письмо написать?..

— Может быть. Только сожри что-нибудь для начала. Я пойду покурю.

На крыльце санчасти ротный. Принес мне проездные документы и деньги на отпуск. Здравоемся.

— Ну как он? — Кеша в курсе всех дел и тоже переживает за Ленчика.

— Письмо собрался писать.

— А жрать он не собрался? Писатель. — Ротный поморщился. — Письмо писать... Сложный жанр, плохо ложится на драматургию. — Кешу выгнали со второго курса филфака МГУ, и теперь он может свободно умничать по литературе. — Письмо — грубый инструмент. Я написал в 70-м одно письмо домой... — задумался внутри себя.

— И что?

— Да ничего, пожили еще немного... потом она все равно от меня сбежала... грубый инструмент. С письмами надо осторожно, они ампутруют отношения чаще, чем слова. Я вечером еще найду, заставь его сожрать что-нибудь...

Ушел.

В палате творческий накал. Ленчик добывает вторую ученическую тетрадь. Одна уже истерзана. Смятые листы в клетку валяются возле кровати. Левая рука — с поллитровой банкой холодного бульона, правая — с шариковой ручкой. Чешет голову. Глаза блестят. Драйв!!! Пошел через границу! Увидел Тайну, схватил и несет контрабанду.

Не хочу ему мешать. Иду бродить по гарнизону.

На мне больничная пижама. Далеко не разгуляешься в этом генеральском гнезде. Бреду к себе в роту.

Комендантский взвод главкома ГСВГ занимает весь четвертый этаж громадного кирпичного строения. Это бывшие казармы Бранденбургского полка. Говорят, сам фельдмаршал Людендорф сюда хаживал. Потолки — пять метров и старый паркет, громадные окна с витражами. Все честно.

Дневальный на тумбочке, что-то пишет, и отмахнулся от меня рукой: «Иди, иди, все там...». Захожу в ленкомнату. Нормально. Здесь

литературные курсы. Кеша собрал народ и заставил работать. На доске надпись мелом: «Письмо любимой девушке». Все сидят и пишут сочинение. Узбек Темрыкбаев высунул язык, старательно выводит буквы, латыш Почайкис мечтательно уставился в окно и грызет карандаш, даже казанский татарин Мусур морщит лоб и смотрит в белый лист бумаги. Все 40 человек пишут письмо любимой девушке, все 40 хотят ее отговорить выходить замуж.

— Присоединяйся к запорожцам, — ротный машет мне рукой, — без тебя коллективное письмо не состоится.

Качаю головой, отказываюсь.

Коллективный творческий акт невозможен. Он всегда личностен. Возможен коллективный конечный творческий продукт, например, кино или театральный спектакль. Но этот продукт вторичен. Он уже охлажден и является искусством. Это не простая сумма отдельных творческих актов, это гармония, которая является Откровением Режиссера-Творца.

Командир роты решил срежиссировать «письмо любимой девушке» и придать гармонию коллективному творчеству. Напрасно он это делает. Литературный текст теряет индивидуальную парадоксальность в коллективизме и становится плоским. «Письмо любимой девушке» не

может быть открытым письмом, оно утратит налет интимности и станет доступным для всех.

Коллективная лирика изначально абсурдна.

— Я не знаю, зачем это делаю, — Кеша поворачивается ко мне и протягивает очередную страницу. Мы сидим у него в кабинете и читаем 40 текстов письма любимой девушке. Ротный нервничает — нужно найти свежую идею — такую, чтобы ее озадачить, чтобы она почувствовала себя виноватой...

— Что-то сильно много задач для одного письма: и удивить, и обвинить, и сильно понравиться. — Мне не по душе эта затея с коллективным творчеством. Это неправильно. Беру следующее «письмо любимой девушке». Как это ни странно, но они все похожи. Слезы, сопли, угрозы. Свежих эмоций нет. — Нужно определиться с целью, нужно...

— Нет, ты только посмотри на это чучело, — перебивает Кеша и протягивает мне исписанный лист. Это Почайкис. Написал любимой девушке письмо на родном языке. Лирика. Простор авторской эмоции, территория настроения. Молодец, спрятал свое сокровенное чувство от всех за этническими буквами. Его девушка к нему вернется, обязательно вернется... — Я, кажется, погорячился с письмами, — вздыхает ротный.

— Конечно, погорячился. Подумай сам: это барышня бросила его! Его! А не Почайкиса. Он должен сам напрячься, сам подчинить ее своей воле и настроению. Литература здесь ни при чем...

— Литература как раз при чем. Это информация, изложенная на бумаге...

— Вот пусть он ее сам и излагает. Сам, а не рота солдат. Пошли, посмотрим на акушера-литератора.

Эпистолярное общение тактильно, открытые нервные рецепторы. Чтобы письмо превратилось в эмоциональную среду, автору нужно отстраниться и забыть об адресате. Забыть обо всех, кто сможет прочитать это письмо, нужно предельно отстраниться и плыть в эмоциональной реке настроения. Это уже не литература, это разговор, выплеснутый на бумагу. Открытые, ни во что не одетые чувства, лобовая атака без всяких правил и рефлексии. Все должно быть жестко,

честно, откровенно. Никаких вторых планов... это должна быть финальная сцена, когда фронтир почти перейден и осталась только одна таможня...

Заходим в палату. Ленчик изможден и смотрит в потолок. На полу измятые листы ученической тетради. Лицо уставшее, но безысходности нет, нет и напряжения. Неужели получилось?..

— ... температура упала, бульон в обед ел, — докладывает ротному молоденькая сестра, — писал целый день что-то. Всю бумагу у нас извел, писатель...

— Ну что, дебютант, — Кеша садится на прикроватный стул и снимает фуражку, — как дела? Как творчество? Смотрю, все атрибуты мыслительной деятельности соблюдены, — он поддел носком сапога измятый лист бумаги, — написал?

— Написал, — голос хриплый и спокойный.

— Вот и чудненько, давай, я снесу на почту и будем ждать результатов.

— Нет, пока не надо. Я хочу, чтобы вы посмотрели... Я боюсь, что все будет не так... еще больше испортится... Надо, чтоб вы глянули... — Роемся в тумбочке и протягивает ротному лист бумаги, исписанный с двух сторон.

Кеша внимательно читает. Одобрительно ухмыляется и протягивает его мне.

— Литератор. Скрытые способности. Я тебе говорил, что все доктора — поэты.

Лист бумаги. Испорченный докторский почерк, но слова разборчивы. Видно, что много раз переписывал. Текст лаконичен, но драматургия... эмоциональный накал... Нормально! Ленчик пересек фронтир и принес Тайну любимой девушке. Полковой фельдшер постарел и поменялся. Исчез николаевский эгоизм. В глазах появился опыт.

Привет, верная подруга — солдатка на дороге. Не дождалась красноармейца, захотела перемен. Меняешь предсказуемое завтра на сегодняшние праздники. Хорошее желание. Тебе надо попасться, немного попасаться на Воле. Ветер перемен омолаживает и придает новые краски серому

дню. Когда китайцы не хотят жить в эпоху перемен, они, наверное, лукавят. Древний народ. Они все про это знают. Все.

На Воле, мать, опасно. Тебе нужно научиться жить на Воле. Это джунгли. Ты должна быть очень осторожна. Это я — честный брачный аферист, ни на что не претендую, разве что на секс с тобой любимой. А попадешь на какого-нибудь дилетанта?.. — Хлопот не оберешься. Эти корабли консервативны, когда дело касается семьи. Разводные процессы, суды, отторжение имущества. Будь осторожна, не давай себя в обиду.

Ты права. Предсказуемое завтра — тоскливо. Зачем весь мир к нему стремится?.. — Непонятно. Жизнь без адреналина — грустна и безысходна, с адреналином — насыщенная и празднична. Думаешь, почему все эти корабли любят «Белое солнце пустыни» и заполняют кинотеатры? Почему? — Правильно. Они получают в кинозале целительное впрыскивание адреналина и... омолаживаются. Это имитация активной жизни, пародия на искренние страсти. На это легко подсаживаешься, и... страстей хочется больше, желательно настоящих. В корабельном крае это делается просто. Ну... ну, ты сама знаешь. Он приходит домой пьяный после работы и уставший. Она суетится у плиты. Дети болтаются под ногами. Грустно. Нет адреналина, нет страстей. Корабел начинает дряхлеть. Это невыносимо — дряхлеть без удивления. Это та смерть без удивления, о которой ты писала. Помнишь? И вот тогда начинается привлечение адреналиновых ситуаций. Он начинает гонять ее с топором по огороду, а детям отпускать подзатыльники. Супер!!! Быт налаживается. Затем, по мере насыщения лекарством, жизнь успокаивается и... они ложатся в одну койку, чтоб завтра все повторилось до деталей, до самых мелочей. Сценарии бодрящего быта могут быть разными. Ты придумала свой. Он называется: «Я выхожу замуж за нескучного парня, с которым вся жизнь — праздник и удивление». Он, наверное, из какой-нибудь музыкальной тусовки. Вперед, мать. Двигайся к страстям, пасись на Воле, на заливных лугах. Я скоро привыкну и начну тихо радоваться за тебя.

Твой Ленчик.

Молодец фельдшер. Все сделал правильно. Не свалился в истерику и пустые угрозы. Она ожидала от него отпора, угроз и боли утраты. Вместе этого он ее лениво ободряет и подталкивает к совершению поступка. По третьему закону Ньютона, его Жанна теперь должна сопротивлять-

ся в обратную сторону. Ей нужно было преодолеть какое-то сопротивление, а сопротивления нет. Теперь николаевская барышня будет сама его искать и находить и... скорее всего, пристально посмотрит на своего нового жениха. Задумается. Химическая реакция в голове приостановится без катализатора сопротивления. Затем наступит время объективного поступка и выбора.

Ленчик прошел через Творческий Акт и созидательное страдание. Он соприкоснулся с Тайной, донес ее до своей девушки и стал другим.

Через восемь лет я приеду жить в Николаев. Здесь встречу Ленчика и Жанну. Хорошая семья, детей рожают. Бодрящий быт и романтическое удивление у них присутствуют.

Телефон

— ... с алкоголем надо разговаривать, надо вести нормальные переговоры. Все зависит от обстоятельств. Алкоголю можно говорить «нет» и встать в боксерскую стойку, а можно немного подумать... и сказать ему «да». Если ситуация неопределенная, пожать плечами — «может быть, может быть»...

Мобильный телефон. Мелодия Вивальди — «Времена года». «Весна».

Сию в дорогом ресторане с моим новым знакомым. Он бизнесмен и занимается морскими перевозками. Катается по всему миру, ведет какие-то переговоры. В Николаеве его держат долги. «Каждый житель вашего долбаного города должен мне 4 доллара 65 центов». Вот так вот. Вложил три миллиона в какой-то завод и уже два года не может их вытащить. Приезжает судиться. Между судебными заседаниями организует в корабельном крае свой мир.

Каждое посещение сопровождается у нас сидением полдня в дорогом ресторане и ленивыми беседами. Пьем экзотические напитки и болтаем. Так себе, ни о чем. На самые разные темы. Сегодня у нас — женщины и алкоголь, из напитков — перно и джин.

— ... давным-давно всем известно, что до 23 лет алкоголя в организме быть не должно, — Он закончил переговоры и вернулся к теме, — с 23 до 36 спиртное обязательно должно входить в недельный рацион человека, а вот с 36 до 65 — в ежедневное меню. У всех пьяниц при вскрытии головной мозг — как у ребенка. Сосуды чистые, свободные от склеротических образований, прекрасная память и моторика... вот только с печенью беда...

Опять мобильник. Опять Вивальди.

Телефон сопровождает наши разговоры и отбивает ритм беседы. Он консультирует своих партнеров во всей Европе. Финансовый аналитик. Я к этому привык и совсем не раздражаюсь. У меня на столе перно. Французская реальность. Здорово.

Он парень не николаевский и любит наблюдать местный народ. Говорит на многих языках и просит иногда перевести местную диалектную лексику: «тудой-судой», «по-над речкой», «марка трамвая». В общем, пытливый такой.

— ... и не надо к алкоголю применять никаких крайних состояний, — он вернулся в реальность и продолжает, — любить его или ненавидеть... Это данность, которая сопровождает человека всю сознательную жизнь. Об этом даже скучно говорить. В Европе все с ума посходили по этому поводу. Стоило Тони Блэру бахнуть с утра стаканчик — все: крик, истерика, в отставку парня!.. Сумасшедшие. Мораль деформированная. В Штатах — вообще дрова. Если ты принял лишнюю рюмку на корпоративной вечеринке, все — прощай карьера, репутация алкоголика обеспечена, можешь увольняться...

Телефон. Вивальди.

Интересный парень. Совсем интересный. Не конфликтный такой, на поверхности соглашается со всеми. Недавно какая-то николаевская братва приехала к нему в гостиницу отмечать покупку нового «лексуса». Заставили подняться из-за стола и привели к автомобилю на стоянку. Гордо вертели этот «лексус» и так и этак. Двери открывали-закрывали, бортовой компьютер включали, DVD и все такое. Он стоял

рядом и одобрительно поддакивал, кивал головой, соглашался, советы какие-то советовал. В общем, почти завидовал. Когда они уехали, поморщился: «Знаешь, Серега, я переболел вещами лет десять назад. Все эти машины, яхты, самолеты — только вещи, всего только вещи. Молодняк тащится на вещах...»

Усталость бизнесмена от товарной реальности заставляет его путешествовать в мир, свободный от страха потери вещей. Он перестает бояться страха перед Истиной, перед Правдой. Он знает, что страх порожден недоверием человека. Страх обесценивает состояние Свободы и мешает Творческому Акту. Бизнесмен-художник приходит к своему Откровению и Тайне через преодоление страха потери вещей...

— ... тоскливо, когда барышня моделирует маргинальные состояния с алкоголем, — возвращает меня к беседе и заказывает еще перно, — и дело не в том, что существует банальная истина — женский алкоголизм не излечивается. Как раз излечивается. Сейчас все лечится, кроме мозгов. Женские мозги подвержены рефлексии на порядок сильнее мужских. Если мужик еще может как-то в пьяном виде скрыть свои намерения, то тетка просто неспособна на эту сложную операцию. У меня приятель есть хороший, он пытался так жениться. Знакомится с девицей, которая ему нравится безумно, затем набирается с ней до чертиков и... начинает наблюдать ее. Наблюдает, наблюдает, пьяную, ну, вроде как все в порядке — добрая девушка, цельная натура. И трезвая, и нетрезвая — одинаковая, без двойного дна. Женится на ней и... через полгода разводится. Оказывается, это мужики в пьяном виде выступают во всей своей цельной красоте и искренности, у теток — все по-другому. Женская особь в алкоголе начинает обретать виртуальную реальность именно ту, что для нее недостижима в трезвом виде...

Телефон. Вивальди. «Лето».

Потеря страха делает бизнесмена наблюдателем. Он сильнее многих конкурентов и бесстрашен перед Правдой, что бы она ему ни сулила. Он не боится Истины, как бы страшна она ни была. Бесстрашие перед Истиной — величайшее достижение духа. Бизнесмен-не-художник бежит

от Правды, он уверен, что Правда его смертельно ранит и не даст подняться с колен. Бедность и заботы обрекают бизнесмена-не-художника на вечное рабство в ожидании неудачи и нищеты...

— ... ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— Дак вот. Женится он в 125-й раз и ничего не может понять. Почему она такая классная, цельная и правдивая, когда вдрабадан пьяная, и такая сучка, когда трезвая. А все очень просто. Женщина начинает путешествие в алкогольную страну, чтобы найти себя, а мы, честные хлопцы, дрейфуем в этом алкогольном океане, чтобы открыть новые территории для других путешественников. Наше пьянство изначально полно подвижничества и самопожертвования, их пьянство — эгоистично. Поэтому оно так тяжело лечится...

Телефон. Вивальди. Опять «Лето».

Бизнесмен-художник имеет обостренное чувство собственного призвания в мире. Оно дает ему ощущение бессмертности перед познанием Тайны. Он прекрасно знает, что эпохи в истории человечества называются именами художников, а не бизнесменов. Однако это его не оставливает. Он понимает, что исключительная поглощенность своим бессмертием отдаляет его от соприкосновения с Правдой, отдаляет его от совершения Творческого Акта, поэтому он превращается в бескорыстного мецената. Уход от страха разорения и нищеты приводит его к Творческому Откровению, которое рождает нестандартные решения, спасает бизнес, делает его мир покойным. Он свободен и не боится потерять эту свободу...

— ...эй! Эй! Ты в порядке?! — Щелкает пальцами перед глазами.

— В порядке. Задумался немного.

— О чем?

— О бабах о твоих. — Я набрался перно, и мысли начинают у меня разъезжаться.

— Может, что-нибудь покрепче взять, чтоб взбодриться?..

— Нет, еще перно...

Молодая алкоголичка Франсуаза Саган устала скучно жить. Муж — нудный придурок, почти дебил — доконал ее скукой. Молоденькая барышня нашла выход. Она стала прятать в гардероб бутылку шотландского виски и пачку сигарет. Когда благоверный уходил на работу, она грезилась с алкоголем. Она придумывала Себе новую биографию, объемные образы. Она эгоистично создавала для Себя драматическую перипетию сюжета и не отделяла Себя от своих героев. Не хотела отстраняться от своей виртуальной реальности. Так появились «Здравствуй, грусть», «Немного солнца в холодной воде» — культовые книги, которые покорили мир и сделали пьяную женщину бессмертной...

Телефон. Вивальди. Уже «Осень».

Мне совсем хватит. Я плохой собеседник. Прощай, художник-бизнесмен. Не забывай о наших пьяных тетках из цеха. Они все-таки наши...

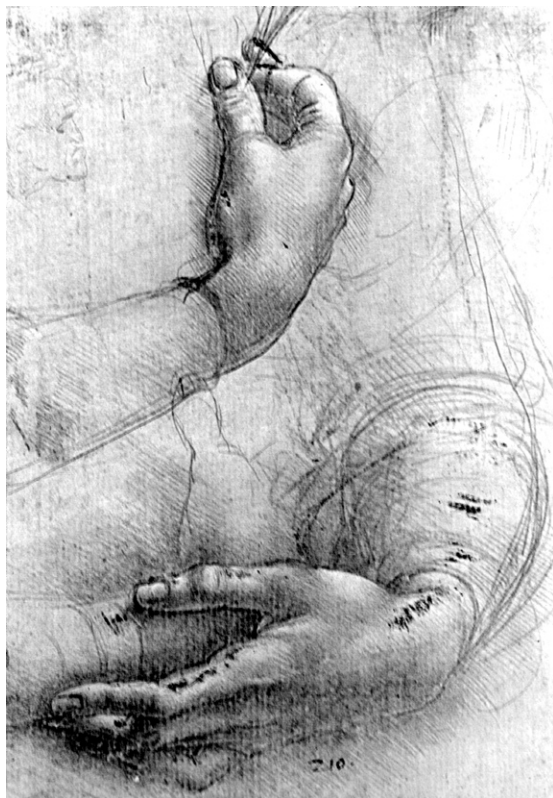
Руки

Она целый день наблюдает чужие руки. Мужские, детские, женские. Одни руки, без лиц, без ног и тела. Она научилась по рукам домысливать остального человека. Есть еще голоса людей, которые облегчают ей эту работу. Есть манжеты свитеров, рубашек и курток, есть часы, кольца и украшения. На руках человека вся жизнь. Это не хиромантия, это, скорее, логика, умноженная на девичью интуицию.

Газетный киоск, в котором она сидит целыми днями, очень древний и находится на углу Советской и Потемкинской. Людное место, много человеческих рук. Руки просовывают деньги и получают газеты, опять просовывают и опять получают. Она первая придумала эту игру — домысливать человека по рукам. Ей всего 19 лет. Учится в «Славянке». Второй курс, заочница, будущий психолог. Чужие руки для нее хорошая практика. Она видит руки и знает, какую газету они возьмут.

...старые морщинистые руки, женские... «Товарищ». Есть! Угадала!

...молодые, тонкие пальцы, руки красные от частого мытья посуды... домохозяйка... «Вечерний Николаев»... Вау! Опять в точку.

... белые холеные запястья, дорогой маникюр, нарощенные ногти... «Единственная»... Получите, и не надо ничего говорить...

Творческая логика — мощная составляющая Творческой интуиции. Способность к предвидению есть целостное качество человеческой личности, а не исключительный дар. Способность предвидеть свидетельствует о том, что человек прорывается через границу к первородному знанию и делает это очень часто. Прикоснется к Правде — и бегом назад. Творческая интуиция таких людей не имеет глубины, зато она честна и полезна. Знаменитые предсказатели не могут далеко зайти в страну Божественного огня, как это делают все Художники. Они бродят в приграничной полосе и боятся обжечься Истиной, боятся встретиться с конечной Правдой...

Опять руки.

...тонкие пальцы с обгрызенными ногтями, указательный палец измазан пастой гелиевой ручки, подросток ... «Penthouse» ... Получите пожалуйста.

...мужская рука, маникюр, дорогой костюм и манжет белой рубашки, «Ролекс» на запястье... «Зеркало недели»... Возьмите сдачу.

...вот, вот интересная особь... тяжелая ладонь, один ноготь черный от удара, массивный золотой перстень на мизинце, манжет... хм, манжет — дешевая турецкая куртка... сейчас, сейчас... «Мир кроссвордов»... Есть! Победа!

Творческая интуиция предполагает концентрацию духовного напряжения. У Художника оно достигает запредельного характера, у Предсказателя существует защитный механизм, который позволяет ему испытывать это напряжение очень короткое время. Творческая логика Предсказателя напоминает понижающий трансформатор, который не позволяет ему сгореть во время частых путешествий через границу к Откровению. Предсказатель не может оправдаться Творчеством потому, что он проходит только малую часть героического пути...

Боже, что это?!

... женские руки в черных перчатках... думай, думай, думай... фэншуйный браслет, какие-то фенечки на обложке... думай, думай... «Креативное вязание на спицах»... Ух, аж вспотела, надо перекурить.

... ну, это проще простого... совсем тонкие пальцы, мозоли на подушечках, гитарист, лабает где-то в кабаке... Вот вам газета «Вакансия», ищите себе работу...

... опять подросток, почти уже девушка... это, это... ну, конечно же!.. «Лиза»... быстренько заberi, мне надо перекурить...

Творческое напряжение Предсказателя не имеет жертвенной природы Творческого напряжения Художника. Предсказатель несет свою Правду через границу и охлаждает ее в Корысти и Спекуляции. Он несет

эту Правду на продажу тем, кто не может ходить через фронтир. Творческое напряжение Художника имеет целью бескорыстное Нравственное Благо...

Вечер. Конец рабочего дня. Она едет домой в переполненном трамвае. Уцепилась за поручень. Рядом красивая мужская рука ... пальцы длинные и ровные, аккуратные розовые ногти, манжет дорогой рубашки из бутика... сейчас, сейчас... еще немного... Есть!.. «Максим».

Тексты

Она сидит дома и пишет тексты для николаевского глянцевого журнала. Хозяин ей мало платит, поэтому писать приходится много. Она знает лично этих людей, о которых пишет. Некоторые ей даже симпатичны.

Их много, этих мужчин и женщин, желающих поселиться на обложку глянцевого журнала. Очередь расписана на полгода вперед. Они стоят в этом ряду и ожидают, когда она придет к ним с диктофоном и возьмет у них интервью.

К диктофону отношение трепетное: в кресле выпрямляется спина, поправляется узел тугого галстука, меняется взгляд.

— Внимание... пишем.

Сегодня — стоматолог. Неплохой парень, ироничный. Наговорил с три короба о себе, о клиентах, о становлении своей практики. Как все было непросто... тяжело... и все такое. Затем нажал диктофонную клавишу.

— Коньячка бахнем?

— Спасибо, мне еще работать дома. Вот вы говорите, что пришлось экономить в семье, на самом необходимом, чтобы купить это медицинское оборудование и арендовать помещение под кабинет. Как долго по времени продолжались ваши лишения?

— Какие лишения? Вы что?! У меня жена на семнадцать лет моложе. Она без своего бассейна, массажистки и личного парикмахера через неделю от меня сбежала бы. Забрала б дочку и умотала бы в Москву к родителям. Хм, лишения. Скажете тоже. Это для диктофона...

Вот вы молоденькая и не помните, как все было на Украине. Целое кино было. — Наливает себе в рюмку коньяка и быстро пьет. — Когда все обрушилось и рубль превратился в бумагу, я ушел из своей больнички на 1-й Слободской. Стал гонять из Испании машины. За три года что-то там у меня насобиралось... штук пять, наверное, не помню точно, купил убитый жилкоп за пять копеек, бэушные кресла. Вон тот автоклав вообще нашел на свалке, покрасил — и сейчас как новый. Потом пришлось немного пожонглировать банковскими кредитами. Помните, было время, когда банки лопались как мыльные пузыри, а всякие «Свитязи» и «Саламандры» исчезали фантомными миражами. Они не только принимали вклады, но и давали ссуды под бешеные проценты. Вот это все великолепие, — обводит рукой громадную приемную кабинета, — построено на эти ссуды. Оформляешь кредит в банке, гащишь проценты в трастовой компании, затем подходит время погашения кредита в банке, а ты оформляешь ссуду в кредитном обществе. Залогом является убитый жилкоп и стоматологическое оборудование, которому сто лет в обед. Тогда не было никакого компьютерного учета, и залоговое имущество служило гарантом всем подряд. Через два года построил клинику. Сейчас, правда, приходится судиться с преемниками всех этих «Саламандр», но ничего — разберемся как-нибудь...

Холостяцкая девичья квартира. Ужин — бутерброды и супчик. Монитор компьютера и диктофон. Мягкий мужской баритон на фоне интер-шума. Надо работать, надо. По телевизору любимый КВН. Отвлекаться нельзя. Обидно. У нее в жизни мало радости, совсем мало.

Статья должна быть утром в редакции. Надо работать. Клавиатура и... текст на мониторе. Это уже не она. Их стало двое. Первая пошла через границу, вторая — осталась на комфортной Родине.

Владимир Петрович Беляев прошел очень непростой жизненный путь. Родился он в крестьянской семье на Полтавщине, в маленьком селе недалеко от Миргорода. Воспитание получил простое, но справедливое,

учился в школе хорошо. После окончания школы поступил в Полтавское медицинское училище, которое окончил...

Боже!.. Какая жуда... скука смертная. Зачем он хочет быть тем, кем не есть на самом деле?.. Зачем ему надувать щеки? Он же в реальности лучше и приятней...

...служил на Тихоокеанском флоте. Обветренный и просоленный всеми морскими ветрами вернулся домой. За три года службы был отмечен многими благодарностями командования за безупречную воинскую службу...

Какая тоска идет от этой обыденности! Почему человек так любит нивелировать себя в угоду общественному мнению? Тоска и Скука порождается Зеркалом на границе. Человек на глянцевой обложке журнала полон страха. Он не уверен в себе и пытается гармонизировать собственную самооценку с общественным мнением через Ложь своего портрета. Не все могут пройти героический путь через Зеркало и заглянуть в глубь себя, не все умеют освободиться от страха и стать беззащитным перед Правдой. Глянцевая обложка — еще один рубеж обороны от соприкосновения с Божественной Истиной. Это линия Маннергейма, которую невозможно пересечь на границе...

...после армии Володя решил продолжать учебу по избранной специальности в Одесском медицинском институте на стоматологическом факультете. Учился хорошо, преподаватели пророчили ему блестящее будущее. Красный диплом врача-стоматолога стал закономерным результатом пятилетней учебы. Его просили остаться на кафедре института для занятия научной деятельностью...

Переживание Тоски и Скуки — безотчетно. Человек выбрасывает из памяти те периоды жизни, когда он испытывал мистический ужас Тоски. Художник помнит о своей Тоске, она мотивирует его к движению от мертвящей Скуки к Радости Творческого акта. Художник не может забыть территорию Тоски, он должен всегда ее помнить, чтобы держаться от нее на безопасном расстоянии. Человек с Глянцевой обложки стыдится своей биографии, он прячет свой ужас перед не-

объяснимой вселенской Скукой за бодрой улыбкой своего лица на портрете. Эта боязнь раскрыться настежь и стать беззащитным перед Правдой играет с Глянцевым человеком злую шутку: мистический ужас Тоски переживается им через впрыскивание ее небольшими дозами, затем дозы увеличиваются, затем он становится неизлечимым наркоманом. Портреты на глянцевых обложках становятся чаще, на телевидении появляются платные прямые эфиры, тратятся безумные средства на пиарные статьи в центральной прессе. Наркотика опять не хватает, нужно идти на границу и покупать его у контрабандистов, которые пересекли фронт и не боятся ужаса Тоски...

...однако молодой и успешный стоматолог Владимир Беляев решает оставить теплое место на кафедре и поступает работать простым врачом-стоматологом в стоматологическую больницу № 2 г. Николаева, где трудится целых пять лет. Трудовая деятельность молодого врача отмечена грамотой городского отдела здравоохранения и благодарностью, с занесением в трудовую книжку, от Министерства здравоохранения Украины...

Тоске и Скуке не свойственно состояние заботы. Человек с Глянцевой обложки не озабочен переживанием Творческого акта. Он находится в состоянии вечной борьбы с бытовым страхом и неурядицами, он в плену ужаса перед чиновниками, бандитами и милицией. Глянцевая обложка должна защитить его от неуправляемого мира без Правды и Истины. Однако этот виртуальный покой опасен, как опасна лесть предателя, как неправильный диагноз врача...

Все. Устала. Болят глаза от компьютера. Они воссоединились. Первая вернулась из-за границы и застала Вторую, измученную Тоской и Скукой. Надо выспаться, завтра интервью с Бандитом. Нужно быть бодрой и уверенной.

Офис Бандита во дворе жилкооповских домов, в районе рынка «Колос». Бесформенный куб трехэтажного здания обнесен глухой стеной. Не подступишься. Они созвонились утром, и ее здесь ждут с долгожданным диктофоном.

Охрана встречает на входе и провожает на второй этаж в приемную. Золотой фон панелей, бархатные портьеры, какой-то хрусталь за

стеклом. Роскошь 80-х бьет по глазам. Все честно. На полу ковры со среднеазиатским орнаментом.

Он сидит в кожаном кресле за длинным столом. Дорогой летний костюм, галстук подпирает толстый подбородок. Широким жестом приглашает к столу. «Чай?»... «Кофе?» — «Спасибо. Давайте начнем».

— Внимание... запись.

Она опять раздвоилась. Писатель отправился на фронт, Журналист остался в кабинете. Интервью абзацами засветилось на мониторе.

Она: Какой Ваш знак Зодиака?

Бандит: Серьезный — Овен. Под этим знаком рождаются, прежде всего, вожаки, руководители. Овны — гордые, себялюбивые люди. Человеку жизнь дается только один раз, если он себя любит, значит, он нормальный. Должно быть потомство, дети, любимая женщина. А тот, который себя не любит, он вне общества, значит, и других не любит, просто не умеет это делать.

Она: А за что Вы себя любите?

Бандит: За деловитость, и других за это уважаю и люблю. Я несу людям пользу, радость, стараюсь, во всяком случае. Тот труд, который я прошел, я видел результат своего труда, своей деятельности. И за это я себя люблю. Я не просто люблю, я уважаю себя. Как делового человека. Вот пусть соберутся все мои родственники здесь, дети — они меня любят, и жена меня уважает, потому что я для них — радость. Я для них тот человек, который делает для них все...

Пошлость закрывает трагизм и ужас жизни. Пошлость есть совершенная удовлетворенность, она делает Человека с Глянцевой обложки веселым от погружения в черное небытие. Художника Пошлость отрывает от всякой глубины и выводит его на равнину Скуки и Безысходности. Пошлость для Художника — это потеря всякой оригинальности, она стоит ниже труда Ремесленника, ниже рутинной обыденности с ее беспокойством, заботами и страхом.

Человек с Глянцевой обложки наполнен Пошлостью, он опошляет все, к чему прикасается. Опошляет любовь, опошляет ненависть,

верность и предательство. Он напоминает царя Мидаса, и его проповеди нравственных добродетелей неизмеримо пошлы...

Она: Скажите, Вы человек верующий?

Бандит: (пауза) Для меня это самый сложный вопрос. Честно говоря, если откровенно, я в Бога не верю. Но я сочувствующий. Я сочувствую тем людям, которые верят. Я уважаю этих людей. У меня есть родственники, есть друзья, которые по-настоящему верят в Бога. А друзья — близкие, которые и литературу мне дают. Но я... немного в обиде на них. Вот так. Это мое личное.

Она: Сейчас не модно говорить о неверии в Бога...

Бандит: Я сказал, как я знаю, как я понимаю эти вещи. Да, я в церковь хожу, я праздники почитаю, вы знаете, у меня есть священники-друзья. Я все это понимаю, но душой! Человек должен душой... Скажите, пожалуйста, мне, как можно в Бога верить, если ты — подобно господину Кравчуку — 40 лет подряд был секретарем компартии по идеологии? И вдруг взять и поверить сразу в Бога? Нет, не верю, я сочувствующий...

Творчество по своей природе противоположно Пошлости, и Пошлость есть не что иное, как отсутствие творчества. Поэтому Творчество есть путь борьбы с Пошлостью. Само «добро» становится невыносимо пошлым, когда из него исчезает Творчество. Человек с Глянцевой обложки стал пошлым не в утробе матери. Он стал пошлым тогда, когда перестал удивляться божественной искренности мира, когда насильственно атрофировал в себе способность к состраданию, когда окончательно утвердил в своей жизни самое последнее и самое злое проявление Пошлости — пошлости Красоты и Надежды...

Она устала. Устала слушать Бандита. Журналист почти в обмороке. Писатель спешит через границу воссоединиться с ней. Она прощается и движется в свою одинокую девичью квартиру. Она долго будет восстанавливать в себе Журналиста, но уже никогда не сможет убить в себе Писателя. Она постареет раньше времени от своей вечной раздвоенности и будет находиться на грани нервного срыва в глубокой депрессии, затем опять двинется через фронт, чтобы предстать перед Божественной Истиной и Правдой.

Союз

Они собрались через месяц в выставочном зале Николаевского областного Союза художников. Отложенное заседание по бюджету возобновилось. В зале все те же люди, но лица уже другие. Сползлись из своих мастерских, тихие и утомленные. Позади месяц работы. Бродили через границу, стояли перед Правдой, тащили свое Откровение через таможенную, утомились. Совсем утомились. Не хотят болтать, хотят опять разбежаться по мастерским и никого не видеть.

Слушают докладчика обреченно. Молчат и не болтают. Готовятся к тяжелому путешествию, прокручивают в голове маршрут. Он у каждого свой.

Человек не имеет права зарывать свои таланты в землю. Он должен героически бороться за осуществление своего творческого призвания против притягивающей вниз социальной Рутин и Обыденности. Эта тяжелая работа за осуществление своего призвания порождает трагические конфликты, в которых сталкиваются ценности разных порядков. Эта тяжелая борьба не за свои эгоистические интересы, а за создание идеального образа Человека-Творца.

Корабельный край избалован талантами. Их много: докторов, чиновников, бизнесменов, журналистов и учителей. Много трудяг, которые стремятся оторвать себя от социальной обыденности и духовной несвободы. Они противостоят Тоске и Скуке текущего дня, реализуют свой идеал в Себе. Создают субкультуру, которая по своей природе личностна и противостоит обезличенной масс-культуре.

В этот божественный бульон постепенно вовлекаются все: и производители, и потребители Духовного Блага. Все пытаются претворить свой труд в творчество, все пытаются прикоснуться к Божественному Огню и Тайне. Это желание неистребимо у всех, оно привлекательно и недоступно.

Доступность девальвирует желание и делает духовный продукт массовым, готовым к потреблению. Доступное Откровение теряет личностный накал Творца, теряет Тайну.

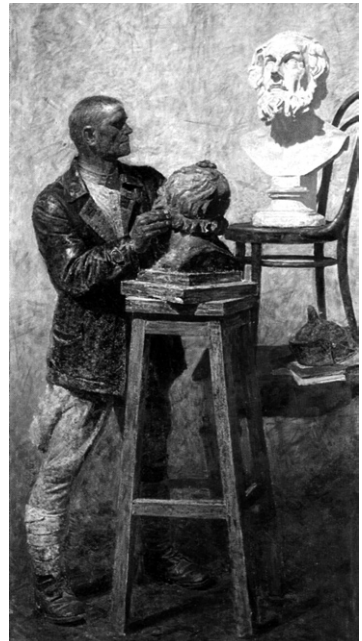

Союз Художников — это не корпорация и не цех, и даже не масонская ложа. Это люди, которые прозревают перспективу мира и обустройства нашего будущего согласно своему видению Красоты, Гармонии, Свободы и Любви.

Художник всегда одинок. Боль и страдание сопровождают его жизнь. Быть Художником всегда больно. Всегда больно прикасаться к Истине, к Доброте и Красоте. Эта боль созидательна, и не все готовы ее терпеть, не все готовы принести жертву — свой буржуазный конформизм и предсказуемый завтрашний день.

Художник — всегда подвижник. Он спасает тех, кто слаб и немощен духом, кто не в силах уйти от темных страстей и прикоснуться к Правде.

С.І. Гаврилов. СОЮЗ. (Лекція з творчої етики). — Миколаїв: Видавництво Ірини Гудим, 2007. — 76 с., іл.

ISBN 966-8592-30-1

Вся людська ойкумена поділена автором повісті «Союз» на дві великі групи: митців і не митців. Як відбувається народження митця і смерть ремісника — основна тема представленої читачеві повісті.

ББК 84 (4Укр-Рос)6-4

УДК 821.161.2

Гаврилов Сергій Іванович

СОЮЗ

(Лекція з творчої етики)

Комп'ютерна верстка — Д.С. Кукол

Коректор — Л.М. Кузнецова

Здано до набору 1.02.2007 р. Підписано до друку 15.02.2007 р.
Формат 60х90^{1/16}. Папір офсетний. Гарнітура Newton. Друк офсетний.
Ум.друк.арк. 4,75. Обл. -вид.арк. 5,25. Тираж 1000 прим. Зам. № 15.

Видавництво Ірини Гудим

Свідоцтво про державну реєстрацію № МК 3 від 14 травня 2002 р.
54030, м.Миколаїв, вул.Адміральська, 20. Тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18